

ГУРУ

глазами ученика

От автора

Джагат-гуру

Кумбхамела

Церемония Кали

Чудесное исцеление

Переезд в Калькутту

Змея на тропе

Поступление в университет

Самый важный урок

Визит принца

Постижение цветка

Журналист из Чикаго

Интервью

Великий день

На службе у махараджи

Визит махараджи

Маленькие ученики

Искупление Рабу

Расставание с детьми

Лекарство от холеры

Посвящение в рыцари

Снова в путь

Владыка Владык

Примечания

ОТ АВТОРА

Перед вами рассказ о восточном образе жизни.

Мне посчастливилось лично знать замечательного старого учителя-индуса, которого я называл гуру. И кое-что из его слов, записанных в этой книге, действительно было сказано лично мне.

Персонаж, выведенный мною под именем Наду, — тоже реальный человек; именно благодаря ему я и познакомился с гуру. Наду сам рассказал мне историю своей жизни, поведав, как он стал учеником этого почтенного учителя.

В отдельных местах этого повествования описаны эпизоды из жизни других учеников. Эти фрагменты, сливаясь воедино, создают типичную картину жизни восточного ученика.

Имена и названия мест изменены мною из уважения к восточному мистицизму, который не обнаруживает духовный опыт отдельных людей. Вступая на путь праведной жизни, человек выбирает простоту и скромность, совершая добрые дела, но не требуя за это никакого признания.

Владыка Владык — также реальный персонаж. Пожалуй, лучшее его описание дал гуру, когда говорил со мной, сидя на куске белой ткани в доме Наду в Калькутте:

«Нам трудно понять, почему люди Запада сомневаются в существовании Великих Братьев со Снежных Гор. Мы знаем их, наши отцы знали их, и они с самого начала были частью жизни нашей расы».

Оглядываясь вокруг в нашем западном мире кое-кто из нас питает тайную надежду, что настанет тот день, когда и здесь у мудрых людей появятся свои ученики, которым они будут преподавать великие истины столь же просто и красиво, как их преподают в Индии, этой странной далекой стране, где боги все еще общаются с людьми.

Мэнли П. Холл

ДЖАГАТ-ГУРУ

Да наделит меня милостивая богиня Сар-свати, Владычица вины, воспевающая славные деяния героев, даром красноречия, дабы смог я засвидетельствовать добродетели благословенного моего гуру, святого Шри* Рамачандры Арджунананды Пурашараначарьи*.*

Джагат-гуру

Меня зовут Наду Чаттерджи, и родился я в маленькой деревушке в Верхней Бенгалии. Ученый пандит* составил гороскоп на день моего рождения и по расположению планет в момент моего рождения предсказал, что я выберу монашескую жизнь.

Когда приближался мой тринадцатый день рождения, в священном городе Аллахабаде собралось много святых людей. Каждый день прославленные учителя и их ученики проходили по улицам нашего городка, держа путь на съезд ныне здравствующих святых.

Однажды утром отец сказал мне: «Возблагодарим Махадэву*, ибо сегодня поистине счастливый день: Джагат-гуру, учитель учителей, святой из Путтеша-вара, направляясь в Аллахабад, пройдет через нашу деревню еще до захода солнца».

Отец говорил тогда о почитаемом святом Шри Рамачандре Арджунананде Пурашараначарье: «Он настоящий риши* из леса, потому что живет в уединенном месте и дал клятву не стричь волосы. Никто не знает, сколько лет Джагат-гуру, но старики говорили, что отцы их отцов были его учениками».

Он — любимец богов, знает глубочайшие тайны Вед и владеет магическим искусством тантры. Его учеников можно встретить во всех уголках Индии, и он разговаривает с ними, посылая свои мысли вместе с дыханием через

пространство».

Ближе к закату жители нашей деревни собрались вдоль дороги, которая вела из джунглей. Каждый надеялся, что ему повезет получить благословение знаменитого мудреца. Когда длинные тени уже терялись в сумерках, он появился, постукивая по твердо утрамбованной дороге зажатым в руке посохом, окованным железом.

Джагат-гуру был высоким и худым человеком с иссохшим от постов и аскетизма телом. Единственную его одежду составляли набедренная повязка и священный плетеный шнурок. Спутанная борода скрывала его грудь, а тело было заляпано серой глиной. Его длинные, тронутые сединой волосы почти касались земли; он казался очень старым. И все же Джагат-гуру прошел пешком более двухсот миль, чтобы присутствовать на торжественном съезде в Аллахабаде.

Следом за великим святым, держась на почтительном расстоянии, шло около пятидесяти чел и учеников, совершавших паломничество вместе со своим учителем.

Я стоял рядом с отцом и смотрел на приближающегося благословенного гуру, и когда он подошел ближе, мной овладело такое сильное душевное волнение, что я выбежал вперед и, задыхаясь от рыданий, бросился в объятия этого великого человека. Тогда гуру с величайшей нежностью обнял меня и сказал: «Наду Чаттерджи, ты — мой ученик; оставь всех остальных и иди со мной по древней дороге Богов».

Вот так и получилось, что в тринадцать лет я покинул отчий дом всего-навсего с маленьким узелком из белой ткани и круглым медным сосудом для воды и ушел с Джагат-гуру в Аллахабад.

Больше я уже не возвращался в свою родную деревню. Мои родители были довольны, что сбылось предсказание из моего гороскопа. Я обрел праведную жизнь и рад этому.

В этом рассказе — вся правда о том, как я встретил благословенного гуру, и я возношу благодарность к лотосным стопам Великой Матери* за то, что в какой-то предыдущей жизни я заслужил привилегию стать его учеником.

КУМБХАМЕЛА

По дороге в Аллахабад я шел вместе с остальными учениками позади гуру. Мы проходили через множество городков и деревень, и везде люди собирались, чтобы засвидетельствовать почтение великому учителю.

К тому времени, когда мы добрались до Аллахабада, там уже собралось на Кумбхамелу* множество святых. Верующие все прибывали и прибывали из всех уголков Индии, и среди собравшихся были многие прославленные учителя и почитаемые святые.

Все они знали гуру и принимали его с выражением глубочайшего уважения. Ко времени начала пышных торжеств вокруг священного города собралось около миллиона верующих. В стенах города места всем не хватило, и пришлось разбить временные лагеря за городскими стенами; входили в Аллахабад только для отправления религиозных обрядов.

Многие аскеты были связаны обетами принесения того или иного покаяния, остальные выполняли особые приемы очищения и самоконтроля. Один из них, помнится, прибывший с гор Ниль-гири, принес в правой руке комок земли, в которую он посадил маленькое семечко; он поливал это семечко каждый день, оно проросло, и в его руке расцвело растение, корни которого обвилились вокруг его пальцев.

Старый свами с Дилварских озер решил управлять своим разумом, сжав левую кисть в кулак и не разжимая ее на протяжении всей жизни. Прошло много лет с тех пор, как он сжал пальцы, и ногти проросли сквозь тыльную сторону его руки.

Несмотря на то, что гуру не учил собственных учеников подобным вещам, он уважал такие свидетельства искренности других и приветствовал всех монахов нищенствующих орденов словами, выражавшими уважение и дружелюбие.

Войдя в город, гуру направился прямо к гхатам* на берегу реки Джамны, и все мы последовали за ним, храня почтительное молчание. Дойдя до второго гхата, гуру свернул и, поднявшись по нескольким ступеням, упал на колени перед очень старым человеком, сидевшим под зонтиком из ротанга. Заметив мое изумление, один из учеников шепнул мне: «Это Владыка Владык, Верховный риши Азурелама, возлюбленный учитель гуру; время над ним не властно, и его можно

увидеть лишь раз в двенадцать лет на Кумбхамеле. В день торжества он всегда сидит здесь, но никто не видит ни как он приходит, ни как уходит».

Преисполнившись любопытства, я повернулся, чтобы взглянуть на высокого Владыку, главного над тысячью гуру. Он был облачен в просторное одеяние из грубой шерсти цвета шафрана и восседал на желтой шелковой подушке. На шее у него висело много ниток крупных деревянных бус. Его волосы походили на заледенелый снежный покров на вершине Химавата*; они струились по плечам мягкими сияющими волнами. У него было смуглое лицо без морщин, а огромные глаза, нежные как у лани, смотрели на нашего склонившегося перед ним гуру с ласковым ожиданием. На лбу Владыки Владык был нанесен желтой глиной знак касты в виде решетки с трезубцем Шивы посередине.

Владыка Владык сидел, скрестив ноги, на подушке, у него на коленях лежала открытая старинная книга, и одной рукой он поглаживал длинные серебристые пряди своей бороды.

Мой гуру произнес: «Благородный отец в Боге, примите приветствие вашего духовного сына».

Владыка риши наклонил голову: «Добро пожаловать, сын мой, на собрание святых людей в священные дни Кумбхамелы. Мир тебе и твоим ученикам. Подведи ко мне мальчугана, которого ты взял с собой в это путешествие».

Гуру позвал меня, и я, испытывая благоговейный страх и почтение, на коленях взобрался по ступеням гхата и упал ниц у ног Владыки с белыми, как снег, волосами. Риши протер надо мной руку, пальцы у него были длинные и тонкие, и казалось, что он видит рукой.

«Наду Чаттерджи, — произнес он, — благодаря мудрости Великого Владыки Витой Морской Раковины и Чакры ты оказался среди Братьев Святой Жизни. Во всем подчиняйся своему гуру и готовься к служению нашей Великой Матери. Мы снова встретимся в тот день, когда ты исполнишь все согласно наставлениям твоего гуру. Непостижимы пути богов, Наду Чаттерджи, ибо ты будешь стариком, когда в следующий раз увидишь тень моей руки. Ом тат сат».

Гуру просидел несколько часов у ног Владыки Владык, и они обсуждали между собой руководство Братством. В конце беседы седовласый риши заключил моего учителя в объятия и снова вернулся к спокойному размышлению над своей книгой, словно вокруг никого не было.

Позже, после торжеств в честь Богини, мы снова подошли ко второму гхату, но седой риши исчез, а вместе с ним исчезли подушка и зонтик.

Вот так мне выпала честь увидеть лицо одного из двенадцати владык Священного Города, и это было первое великое благо, снизошедшее на меня с тех пор, как я стал учеником Джагат-гуру.

ЦЕРЕМОНИЯ КАЛИ

В то лето, когда мне шел пятнадцатый год, гуру с несколькими своими личными учениками отправился за Хайберский перевал, чтобы принять участие в торжествах в честь богини Кали. Хотя я был еще очень молод, гуру пожелал, чтобы я сопровождал его; так я получил разрешение наблюдать за пышной церемонией.

Чтобы добраться до Хайберских гор, потребовалось несколько недель; много дней мы шли по глубоким долинам и по неровным склонам холмов. Наконец мы пришли к очень древнему святилищу на широком плато, находившемся на высоте нескольких тысяч футов* над долиной.

Алтарь Кали квадратной формы был сделан из грубого камня высотой около четырех футов. В центре каждой стороны алтаря помещалось огромное железное кольцо. В четверти мили от алтаря, на берегу небольшого ручья, стояли несколько домов, дававших приют паломникам. Вокруг этих домов собралось около сотни почтенных ученых, святых мужей, ожидавших прибытия моего гуру, который, как я узнал, должен был проводить церемонию.

На следующее утро, на рассвете, совершив религиозные обряды, мы выстроились в процессию и подошли к алтарю. Здесь наша группа образовала вокруг центральной святыни круг диаметром около ста ярдов*. Несколько учеников вышли вперед, неся подношения: зерно, фрукты, цветы и маленькие фигурки, вылепленные из твердого жира; все это они сложили в кучу на плоскую поверхность алтаря. Затем привели четырех живых козлов и привязали по одному к каждому из железных колец, вделанных в боковые поверхности алтаря. Закончив то, что им было поручено, ученики отошли на несколько шагов, чтобы наблюдать за церемонией, и я присоединился к ним.

Сидя на земле со скрещенными ногами, святые начали принимать позы некоторых мудр*, то есть определенные положения рук и тел. Они образовали огромное кольцо, где каждый человек находился на расстоянии примерно двадцати футов от своего соседа. Они являли собой странное зрелище, эти монахи нищенствующего ордена с длинными волосами и покрытыми глиной телами. Мой гуру сидел в восточной точке круга и держал маленький серебряный колокольчик, с помощью которого управлял ритуалами.

В чистом разреженном воздухе гор медленно нарастал гул монотонно повторяемых мантр. Все в унисон произносили нараспев священные слоги. Вначале голоса звучали как негромкое бормотание, но проходили часы, и звук усиливался, отдаваясь в горах странным диким ритмом. Темп монотонного речитатива постепенно стал напоминать равномерный бой огромного барабана.

Частота биения моего сердца, казалось, изменилась, приспособиваясь к этому напеву. Все громче и отчетливее становился устойчивый ритм ритуала, и каждые несколько минут я слышал сквозь звуки напева тоненькое чистое позванивание колокольчика гуру.

Взошло солнце, ясное, похожее на золотой огненный шар в безоблачном небе; но к полудню появился легкий туман, который принесли с собой струи ветерка, носившегося среди гор. Облака затягивали солнце, пока вокруг не опустился сумрак. Тучи сгустились и чернели, и по Хайберскому перевалу прокатился гром. Стрелы молний прорывались сквозь тучи и, казалось, вонзались в землю вокруг нас, чудовищно сотрясая ее. Перекрывая шум стихий и многократное эхо ударов грома, прокатывавшееся по глубоким и узким ущельям и покрытым снегом остроконечным вершинам гор, звучал неослабевающий ритм песни. Мантры смешивались с ревом бури, и казалось, что вся природа подхватила странную мелодию танца Кали.

Я — правдивый человек и в точности опишу вам то, что происходило в тот день в горах Канченджанга.

Примерно к середине дня буря разбушевалась вовсю; воздух был зеленым от электричества, и уже едва можно было выдержать грохот стихии. Затем прямо над алтарем внезапно образовался туманный столб, вытянувшийся в огромную струю дыма фимиама и смешавшийся с грозowymi тучами наверху. Дым начал кружиться, его плотность увеличивалась до тех пор, пока вихревой конус высотой в несколько сотен футов не закачался взад и вперед над алтарем.

Тогда в самой середине конуса возникла огромная богиня Кали верхом на грозовой туче. Ее тело было голубым, как небо, а руки и ноги красны от крови жертв. Ее длинные волосы надувались как клубы черного света, а глаза сверкали как золотые солнца. У нее было восемь рук, и на ней был пояс из человеческих рук. Она танцевала в конусе дыма так, словно на распростертом теле земли. Вдруг она резко опустила одну из своих рук. Я увидел блеск огромной булавы, обрушивавшейся с неудержимой силой. С оглушительным грохотом, расколовшим горы, богиня ударила по алтарю своим боевым топором. Синее пламя брызнуло во все стороны. Этот внезапный яркий свет ослепил нас.

Потом, когда к нам вернулось зрение, мы увидели, что Кали исчезла; конический вихрь превратился всего лишь в струйку дыма, унесшуюся с ветерком.

Между грозowymi тучами появились просветы, и уже через несколько минут небо расчистилось; солнце висело как медный шар над ледниками западных гор. Монотонное пение святых медленно затихало.

Когда стемнело, ритуал кончился; монахи нищенствующего ордена поднялись и бесшумной чередой вернулись в гостевые дома, чтобы провести ночь в молитвах.

Гуру подошел ко мне и, взяв меня за руку, подвел к подножию алтаря. «Взгляни, сын мой, как Великая Богиня приняла подношения своих святых. Посмотри, каждый цветок увял и засох, кожура фруктов пуста, а от зерна не осталось ничего, кроме мякины».

Он зачерпнул пригоршню мякины и подбросил ее в воздух, и она разлетелась как тончайшая пыль. Я заметил также, что четыре козла были мертвы, и гуру объяснил, что богиня забрала всю кровь из их тел.

На следующий день гуру с учениками отправился в обратный путь. Он горел желанием добраться до Калькутты, где собирался договориться о моем обучении в школе. Мне больше никогда не довелось присутствовать при жертвоприношении Кали, но другие ученики, совершившие это путешествие в последние годы, рассказывали мне, что ничего не изменилось.

Мне казалось, что в один прекрасный день я возьму с собой в Хайбер собственных учеников. Но гуру сказал, что моя жизнь пойдет в другом направлении.

Любое его желание для меня — закон и радость.

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

У гуру было около шестидесяти тысяч учеников. Большинство из них жили в разных уголках Индии, но некоторые проживали в Европе и Америке. Из этой группы около четырехсот человек вряд ли вообще видели гуру. У учителя было около ста учеников более высокого уровня, и именно они направляли жизненный путь многих менее подготовленных учеников и чел. Таким образом гуру поддерживал связь с огромным количеством своих последователей.

Многие ученики, никогда не видевшие своего учителя, знали его голос, получая от него наставления во время медитации. Каждый день у гуру бывал особый час, когда он уединялся, воспринимая мысленные импульсы своих подопечных, и отвечал на их вопросы посредством тонких потоков сознания. В эти периоды внутреннего общения гуру нельзя было беспокоить, и посещавшие его ученики должны были следить, чтобы никто не приближался и не разговаривал с ним до тех пор, пока он сам не подаст знак, что завершил свою работу.

Среди учеников гуру был один голландский купец, живший в Бомбее. Это был добропорядочный человек, и гуру очень надеялся, что этот голландец много добьется в овладении тайнами природы. Поэтому гуру часто обращал свои мысли к голландскому купцу и время от времени обсуждал с нами духовные успехи своего любимого ученика.

Гуру, бывало, говорил: «У моего духовного сына в Бомбее сегодня была удачная медитация». Или замечал по другому случаю: «Моему духовному сыну в Бомбее сегодня досаждал тот человек из банка. Плохо, что торговое дело мешает росту души».

Минхер ван Стуитен был женат и имел двух маленьких дочерей. Гуру обычно одобрительно кивал головой, говоря: «Очень хорошо, что мой сын в Бомбее провел день, играя со своими дочками. Он хороший глава семьи, что согласуется с Ведами. Человек, который родился, должен заплатить свой долг природе. Хороший отец всегда бывает хорошим учеником».

Однажды днем гуру в сопровождении нескольких из нас отправился на короткую прогулку к холмам. Его самый старший ученик, живший вместе с нами, увлекался ботаникой и травами, и, когда выдавалась возможность, гуру обычно шел вместе с ним и объяснял тайны мира растений.

Мы находились в часе ходьбы от ашрама* и уже собрали некоторое количество растений для последующего изучения, как вдруг гуру неожиданно остановился и поднял глаза к солнцу. Мы все, естественно, тоже посмотрели на солнце и через несколько секунд увидели маленький белый предмет, падающий с небес. Он беспорядочно кружился, несомый легким ветерком, и опускался все ближе к гуру. Наконец гуру протянул руку, и мы увидели сложенный клочок бумаги, который, как крошечная птичка, присел отдохнуть на его пальцы. Гуру развернул листок и повернулся к нам со словами: «Это послание от моего сына из Бомбея. У него большая беда; я должен идти к нему».

Ученики постарше тотчас же все поняли и занялись подготовкой гуру к путешествию. Осмотревшись вокруг, они нашли уединенное место под ветвями большого дерева. Гуру уселся на поспешно сложенную подстилку из листьев и веток. Затем Бану, добрый человек, всегда сопровождавший учителя, подал гуру его палку с раздвоенным концом.

Эта палка представляла собой сделанную из тика и украшенную красивой резьбой опору для локтя дюймов восемнадцати длиной; ее верхний конец разветвлялся и поддерживал локоть гуру, когда тот сидел на земле. Удобно усевшись и положив одну руку на колено, а другой опершись на палку, гуру закрыл глаза и начал нараспев произносить мантры. Четверо учеников сели рядом с учителем, а остальные, чтобы не мешать, разместились на большем расстоянии.

Голова гуру медленно опустилась на руку, поддерживаемую палкой. Казалось, он заснул. Конец этой истории я расскажу со слов Минхера ван Стуитена...

Голландский купец отправил двоих детей и жену в горы, на летний курорт, стремясь спасти их от зноя индийского лета. В маленькой деревушке, где его семья проводила лето, неожиданно вспыхнула эпидемия холеры, и младшая дочь, всего шести лет от роду, заболела. Минхер ван Стуитен поспешил к ним, захватив с собой лучшего в Бомбее врача; но девочка быстро теряла силы и жить ей оставалось считанные часы. В отчаянии отец написал гуру коротенькую записку и, совершив определенные мистические обряды, сжег бумагу и развеял золу по ветру. Каким-то странным образом эта зола долетела до гуру и опустилась ему в руки в виде совершенно целой записки.

В доме, где лежала больная девочка, у ее постели собрались отец и мать, врач и няня, следившие за течением грозной болезни. Вдруг портьеры, отделявшие комнату больной от остальной части дома, раздвинулись и бесшумно вошел гуру.

Ван Стуитен никогда не видел своего учителя, но мгновенно узнал гуру. Верная жена, госпожа

ван Стуитен, доктор и няня ничего не видели и не могли понять, почему сильнейшее волнение вдруг овладело отцом, который упал на колени, рыдая и уткнувшись головой в край кровати. Гуру подошел к больному ребенку и, вытянув руку, коснулся горячего лица находившейся в бреду девочки. Она открыла глаза и увидела гуру, и, хотя у него был несколько странный и дикий вид, она не испугалась, но только заметила прекрасное выражение его глаз.

Гуру заговорил с ней: «Ты спала, малышка Сита, а теперь проснулась; пора тебе пойти поиграть с сестрой, которой одиноко без тебя. Давай пойдем вместе».

Все, что увидел врач, — это то, что девчушка протянула руку, как бы уцепившись за кого-то, спокойно встала с постели и выбежала через дверь в сад. А через несколько минут уже слышался ее смех — она играла с сестрой...

Прошло около двадцати минут, и гуру поднял голову и заговорил с окружившими его учениками: «Мой голландский сын сейчас очень счастлив; его кроха играет со своей сестрой, а мы можем продолжить обсуждение целебных свойств этих трав».

ПЕРЕЕЗД В КАЛЬКУТТУ

Однажды утром гуру попросил меня зайти в его комнату в ашраме, чтобы поговорить о моем будущем. Учитель сидел у стены на большом куске белой ткани и жестом пригласил меня сесть рядом.

«Ты еще мальчик, сын мой, — начал гуру, — и необходимо всесторонне обдумать вопрос о твоём образовании. Какую профессию или ремесло ты избрал делом жизни?»

Я мгновенно ответил: «Благословенный учитель, я мечтаю только о святой жизни и желаю быть рядом с вами, служить и повиноваться вам. У меня нет других стремлений».

Несколько минут гуру молча курил кальян, а затем снова заговорил: «В мире происходят большие перемены, и молодые люди должны готовиться занять подобающее место в том новом укладе жизни, который складывается в Индии. Святые будут существовать всегда, ибо путь богов — их путь. Но эти новые святые должны постичь науку белых рас. Только так они смогут служить Великой Матери».

«Я сделаю все, что вы скажете, — ответил я. — Вы — хозяин моего тела и моей жизни. Добродетель ученика заключается в повиновении».

Гуру согласно кивнул головой: «Я пошлю тебя в школу, потом в университет, чтобы ты воспользовался всем, что можно извлечь из образования и знания. Я выбираю для тебя достойную профессию — медицину. Наду Чаттерджи, ты станешь врачом. Это и будет твоим ученичеством — ты будешь служить больным и исцелять свой народ. Мы немедленно отправляемся в Калькутту, где я запишу тебя в лучшую школу».

У меня стало так тяжело на сердце, что я спросил: «Это значит, возлюбленный отец, что я буду разлучен с вами?»

«Да, на некоторое время, но летом ты сможешь приезжать ко мне; да и у меня обычно бывает множество поводов побывать в Калькутте. Мудрость, сын мой, начинается с самодисциплины. Повинуясь, становишься великим».

Я протянул руку и коснулся ступни моего гуру, а он положил свою руку на мою. Я ответил с рыданиями в голосе: «Я повинуюсь; ваше слово для меня — это слово богов».

Случилось так, что несколько дней спустя мы поехали в Калькутту на английском поезде, и гуру отвел меня в школу знаменитого мауланы*. Этот ученый мусульманин был наделен глубоким умом и тонкостью восприятия.

Маулана принял нас в рабочем кабинете, обставленном в европейском стиле. Это был низенький полный человек, облаченный в полосатые брюки и визитку. Если бы не смуглая кожа и туго намотанный тюрбан, его можно было бы принять за английского джентльмена. На моем гуру было одеяние из желтого шелка и бусы, он нес окованный железом посох и вел меня за руку.

«Высокочтимый друг, маулана Абу-Бакар, это мой сын в Боге, Наду Чаттерджи. Отдаю его на ваше попечение, чтобы вы подготовили его к поступлению в университет. Вы обучите его всем полезным наукам Востока и Запада; и мне особенно хочется, чтобы он знал четыре языка помимо своего родного: английский, немецкий, греческий и латынь».

Маулана Абу-Бакар медленно потер руки и склонил голову. «Да будет так, как вы говорите, высокочтимый и уважаемый».

А закончил гуру так: «Он должен стать врачом; подготовьте его по всем предметам, которые могут оказаться полезными в искусстве врачевания. Возьмите его в свой дом, считайте своим сыном и наставляйте в вашей вере, ибо он должен уразуметь, что любой Бог един. При случае я навешу его. Дайте ему все, что необходимо для его благополучия, будьте строги, но добры и пришлите мне счет».

Гуру поднялся, обнял меня и вложил мою руку в руку мауланы. Абу-Бакар коснулся своего лба и поклонился гуру. «Да пребудет с нами мир Аллаха; я буду отцом вашему мальчику».

Так началось мое образование, и я прожил в доме Абу-Бакара три с половиной года

ЗМЕЯ НА ТРОПЕ

На втором году моего пребывания в школе Абу-Бакара я проводил каникулы с гуру в уединенном ашраме близ Симлы в Гималайских горах. На этот раз с ним было всего три ученика, потому что он решил провести длительный пост и умерщвление плоти. Он нуждался в периоде очищения, потому что ему пришлось прожить несколько месяцев в Агре и вибрации города оказались труднопереносимыми.

Я пробыл с гуру уже около трех недель, когда он обратился ко мне со словами: «Сын мой, в этих старых горах с незапамятных времен обитали боги. Это места молитв и медитации, и тебе пора пойти туда и провести свое первое бдение. Милях в ста к северу отсюда стоит старинный ламаистский монастырь ордена Красных Шапок, а за ним, еще через несколько миль, находится ашрам, предназначенный для моих учеников. Ты отправишься туда один и пробудешь там один месяц, посвящая все время слушанию голоса нашей Великой Матери, которая разговаривает с нами среди этих священных холмов».

На следующее утро, захватив с собой только медный сосуд с водой и кое-какие необходимые пожитки, завернутые в кусок белой материи, я в одиночестве отправился в путь по едва заметной тропинке, которая шла через горы к монастырю Красных Шапок.

В тот раз я впервые оказался в полном одиночестве в незнакомом диком лесу и впервые испугался. По ночам раздавались странные звуки, и я знал что со всех сторон меня окружают дикие звери. Мне потребовалось около десяти дней, чтобы дойти до ашрама, и хотя мне много раз казалось, что я сбился с пути, я благополучно добрался до маленького белого однокомнатного домика из глины, служившего местом отдыха для учеников гуру. Я бросил на пол свежую солому и предался размышлениям. Поблизости была чистая вода; я питался плодами и ягодами, которые находил в лесу.

Месяц пролетел очень быстро, потому что я все меньше и меньше сознавал время. Много дней я провел, слушая тихий голос, который, казалось, долетал до меня из земли, из воздуха и из протекавшего неподалеку ручья. И я был счастлив и доволен, потому что знал, что эти голоса принадлежали нашей древней Матери Гор.

Однажды утром, за несколько дней до ухода оттуда, я вышел из домика и пошел по узкой тропинке, устланной плотным слоем листвы. Не успел я пройти и нескольких сотен ярдов, как вдруг неожиданно получил сильный удар сзади по плечам. Удар причинил мне сильную боль и сбил с ног; ничего не понимая, я упал в кусты рядом с тропинкой.

Ошеломленный и слегка обиженный, я поднял глаза и увидел гуру, стоявшего на тропинке. Это он ударил меня своей обитой железом палкой, которую держал в руке. Когда я взглянул в лицо великого учителя, он указал пальцем на тропинку, и я увидел посреди нее свернувшуюся кольцами гадюку, раздвоенный язык которой появлялся и исчезал в пасти, как вспышка красного света.

Гуру заговорил: «Если бы ты наступил на нее, Наду, она укусила бы тебя, и укус был бы смертельным».

С этими словами гуру повернул в обратную сторону и, пройдя несколько шагов, исчез за поворотом тропинки. Я вскочил на ноги и помчался за ним, но когда добежал до изгиба дороги, там уже никого не было.

Позднее я узнал от одного из учеников, что в тот момент, когда я увидел гуру, он находился за сотни миль от этого места, в Симле, где был занят серьезной беседой. Раджа Путтешавара навещил гуру, чтобы посоветоваться с ним о руководстве княжеством. Гуру принял раджу,

хотя это и заставило его нарушить уединение. Когда они уже проговорили некоторое время, гуру вдруг сказал: «Ваше высочество, мой сын в Боге в эту минуту уже почти заносит ногу над головой гадюки; я должен поспешить к нему». Гуру на несколько минут погрузился в молчание, и раджа благоразумно умолк. Затем мой учитель снова заговорил с раджей: «Опасность миновала, и мы можем продолжить разговор».

Итак, оказывается, благословенный гуру знал все, что творится в мире, и всегда помнил о нуждах своих детей; и я благодарен ему за то, что в своей доброте он распространил свою любовь на меня, ничтожнейшего из его чел.

ПОСТУПЛЕНИЕ В УНИВЕРСИТЕТ

Как только маулана Абу-Бакар сообщил гуру, что я готов к вступительным экзаменам в университете, мой учитель тотчас же приехал в Калькутту, чтобы договориться о моем зачислении.

Впервые в жизни я надел английский костюм, который маулана заказал для меня у своего портного. Я чувствовал себя в нем неудобно, но был вполне доволен своим внешним видом. Гуру прибыл с двумя учениками, и маулана Абу-Бакар показал ему мой школьный аттестат, вполне заслуживавший похвалы.

После полудня гуру направился со мной к огромным университетским зданиям с каменными колоннами, похожими на колонны греческого храма. Мы поднялись по широким ступеням и вошли в длинный коридор, обе стены которого украшали портреты и бюсты выдающихся ученых — специалистов в области гуманитарных наук и естествоиспытателей. Обстановка производила очень сильное впечатление. Наконец мы подошли к большой двери, и нас ввели в кабинет сэра доктора Димс-Брауна. Это был представительный, ученого вида джентльмен с типично английским лицом и коротко подстриженными седыми волосами. Над его столом висел написанный маслом портрет королевы Виктории во весь рост, облаченной в мантию императрицы Индии.

Гуру повернулся ко мне. «Наду Чаттерджи, это мой высокочтимый друг, сэр Эдвард Димс-Браун, очень мудрый человек, сведущий в западных науках, и известный хирург. Он и будет твоим новым отцом в учении».

Англичанин встал с кресла и, приблизившись к гуру, отвесил короткий неловкий поклон как человек, не привыкший кланяться другим людям. «Шри Пурашараначарья, вы — мой давний друг; я сделаю для молодого человека все, что смогу, можете на меня положиться».

Я заметил, что глаза у английского доктора были светлые и ярко-голубые, и еще я увидел в них огромную любовь, когда он взглянул в лицо моего гуру. Я понял, что сэр Димс-Браун — друг Индии, познавший душу нашего народа. Поэтому я был доволен и мог доверять этому доброму человеку, который должен был стать моим проводником на пути к знанию.

Джагат-гуру обсудил с господином доктором свои планы в отношении меня. Было решено, что я буду жить в доме богатого человека, принадлежавшего к секте джайнов*. Он предоставлял студентам дом, где позволялось жить только серьезным молодым людям.

Мои учебные курсы были полностью распланированы и было решено, что я буду специализироваться в общей хирургии и тропических болезнях. Курс обучения был рассчитан на пять с половиной лет, но господин доктор полагал, что я смогу закончить его быстрее благодаря превосходной подготовке, полученной мною у мауланы Абу-Бакара.

Университетский семестр должен был начаться через неделю, и я прожил это время в ашраме гуру близ храма Шивы в Калькутте.

У гуру бывало много посетителей, потому что его приезд в Калькутту был событием чрезвычайной важности для его многочисленных учеников, живших в этом регионе. Все являлись засвидетельствовать свое почтение; многие приносили подношения в виде фруктов, цветов, маленьких рисунков на религиозные темы.

Каждое утро гуру вставал в пять часов, потом купался, и несколько раз мне выпадала честь помогать ему принимать утреннюю ванну. Следующие два часа отводились для молитв.

После совершения этих ритуалов гуру завтракал рисом и чаем, а потом, около семи тридцати, усаживался на большой лоскут белой ткани и принимал посетителей. К нему приходили люди всех классов и рас, и снаружи у входа в ашрам всегда стояли длинной вереницей башмаки и тапочки. Все входившие снимали обувь в знак уважения к нашему

святому учителю, а войдя к нему, усаживались, скрестив ноги по-турецки, на уголок белой подстилки.

Гуру разговаривал с каждым на его родном языке, и большинство бесед длилось всего несколько минут. В час дня гуру ел второй раз, обычно это были фрукты, а затем в течение часа отдыхал. В половине третьего он давал указания своим ученикам, а в четыре снова принимал посетителей. В семь часов вечера он ужинал рисом с шафраном и отваренными в нем фруктами. На закате он имел обыкновение прогуливаться с несколькими учениками, совершая иногда небольшое паломничество к какой-нибудь находящейся поблизости святыне. По вечерам гуру приходил обычно в веселое расположение духа и иногда рассказывал нам истории о своем отрочестве или о великих людях, которые приходили к нему в этот день за наставлениями. Проводить с гуру вечер всегда было просто блаженством.

В десять часов он удалялся медитировать, и мы уже больше не видели его до утра. Таков был распорядок дня гуру во время его пребывания в городе, и мне посчастливилось провести с ним четыре вечера, за что я благодарю Благословенную Мать.

САМЫЙ ВАЖНЫЙ УРОК

В то лето, когда я уже третий год учился в университете, гуру провел в Калькутте несколько недель. Я сразу же встретился с ним, потому что он жаждал узнать, как познания в области науки влияют на мою религиозную жизнь и убеждения.

Я честно рассказал о своих успехах в учении, заверив гуру, что по утрам всегда совершаю религиозные обряды и молю Великую Мать даровать мне понимание тех предметов, которые я изучаю. В начале каждого занятия я призывал благословение Всевышнего на моего преподавателя и соучеников.

Гуру серьезно выслушал меня и кивком выразил свое одобрение: «Это хорошо, Наду, сын мой в Боге; ибо всяческое знание есть дар духа, и только тем, кто благодарен в душе, знание раскроет себя подобно лепесткам лотоса. У своих западных учителей, Наду, ты научишься мастерству и наукам, а с помощью восточных наставников ты должен открыть внутреннюю тайну мудрости. Если ты просто хорошо учишься, ты еще не становишься образованным человеком. По-настоящему образованным ты будешь только тогда, когда тебя озарит внутренняя истина. Ибо внутренняя истина берет мертвые факты и вдыхает в них жизнь, и вдохновляет сердце использовать знание для помощи другим людям».

В глубине души я знал это и хранил глубокое молчание; безмолвствуя, я ощущал, как мысль учителя звучит в моем разуме подобно древним гимнам Вед.

Внезапно учитель нарушил мою задумчивость, снова заговорив: «Смотри, Наду!». Взглянув на гуру, я увидел, что он что-то держит в руках. Он слегка разжал пальцы, и я разглядел, что между пальцев гуру выглядывает маленькая рыжая белка. Белка совсем не боялась и, выскользнув из раскрытых ладоней Святого, носилась по его рукам, пряталась в его длинных волосах и в конце концов устроилась на его плече, сбоку уткнувшись мордочкой в его бороду. Гуру погладил маленького зверька и произнес: «А теперь, сын мой Наду, я открою тебе тайну. Ведь ты изучал в университете это маленькое животное, не так ли?»

«Да, почтенный учитель, я изучил все, что говорится в английских книгах. Если вы желаете, я могу описать органы белки и все, что о них известно».

«Нет, сын мой, я задам тебе всего лишь один вопрос. Почему существует белка?»

Я молчал, потому что знал, что не могу ответить на этот вопрос, и гуру продолжил: «Знание, сын мой, заключается в том, чтобы знать названия всех органов и строение этой маленькой белки, а мудрость заключается в том, чтобы найти жизнь этого маленького зверька среди всех его органов и членов. По этой причине, Наду, ты должен будешь в конце концов вернуться к Учителям Белых Гор. Ибо только с помощью древних наук, которые преподавали первым святым, ты сможешь познать сердечко, которое трепещет в крохотной рыжей белке. Никто из великих и ученых людей не узнает этого, пока они не отправятся в горы и не получат это знание, слушая голос Матери».

Если бы до этого я и настроился принять европейский способ овладения знаниями, слова учителя навсегда развеяли бы мои иллюзии.

А гуру продолжал: «Наблюдай за мной и за маленькой рыжей белкой, Наду».

Гуру дотянулся до плеча и осторожно снял зверька, поглаживая его спинку и длинный

пушистый хвост. Затем, держа белку между ладоней, он дунул на нее и прошептал несколько слов на древнем языке сензар, которые я не смог понять.

Белка на моих глазах неожиданно превратилась в маленькую коричневую птичку с красной грудкой и желтым клювом. Птица с минуту помахала крыльями и уселась на палец гуру, распевая звонкую нежную песенку.

Учитель взглянул на меня: «Это ведь кажется чудом, Наду, что я превратил рыжую белку в маленькую коричневую птицу? Но это не чудо; это все потому, что я прошептал слова власти, и маленькое вращающееся колесо в сердце белки завертелось быстрее, и благодаря этому самому вращению белка превратилась в птичку. Это, сын мой, секрет дыхания и йоги. То же самое, когда ты ходишь в школу: твое учение подобно белке, но секрет дыхания и йога придадут крылья твоему учению, и тогда то, что ты узнал из книг, оживет и запоет песню нашей Матери».

Я проучился в университете пять лет, получил диплом и стал врачом согласно воле благословенного гуру. В европейской школе я научился многому из того, что должно было принести пользу моему народу, однако больше всего я узнал от гуру в тот день, когда он сделал из рыжей белки маленькую коричневую птичку.

ВИЗИТ ПРИНЦА

Один из махараджей предоставил гуру право пользоваться значительным участком земли. Это земельное владение находилось в горах близ Дарджилинга, в предгорьях Канченджанги. На этом участке находился старинный храм и часть разрушенного монастыря. В тени полуобрушившейся арки гуру проводил занятия, и к нему приходило за наставлениями множество слушателей. Лекции по разным причинам посещали и те, кто не принадлежал к его школе.

Однажды днем Чуни Сен, один из младших чел, подошел к гуру в сильном волнении. Он только что вернулся из соседней деревни, где узнал о приближающемся необыкновенном событии. «Благословенный учитель, — воскликнул Чуни Сен, — я только что услышал, что его королевское высочество, махараджа Индопура, послал своего сына, принца Нахиба, слушать ваши лекции этим летом. И сегодня днем его высочество прибудет в экипаже».

Гуру благосклонно выслушал его и улыбнулся: «Да, Чуни Сен, принц Нахиб скоро присоединится к нашему обществу, но пусть это событие не будоражит твое воображение слишком большими надеждами. Я подозреваю, что его высочество плохой ученик».

Около пяти часов мы услышали доносившийся из долины шум приближающихся экипажей и увидели облако пыли, поднимавшееся над грунтовой дорогой. Старшие ученики намеренно не замечали приближения царственного гостя, зато Чуни Сен и еще несколько младших чел были явно потрясены и следили за выражением лица гуру, искоса бросая на него осторожные взгляды.

Наш учитель вышел из тени полуразрушенной арки, чтобы насладиться прощальным теплом заходящего солнца. Какой-то крестьянин принес ему засахаренные фрукты в глиняной миске, и гуру медленно ел их резной деревянной ложкой. Его, казалось, совершенно не интересовало ожидаемое с минуты на минуту прибытие ученика из королевской семьи.

Лежавший в развалинах храм находился неподалеку от дороги, скрытый зарослями молодых кедров, и среди этих деревьев экипажи остановились.

Гуру сделал мне знак: «Наду, сын мой, встретить и прими наших гостей». Поэтому я встал и пошел вниз, к дороге, сопровождаемый любопытными взорами юных чел, сидевших по одну сторону дороги.

Первый экипаж был самым большим и красивым, и на его дверцах имелись украшения с гербового щита принцев Индопура. Экипажем правил бородатый кучер в ливрее, а внутри сидел безупречно одетый молодой человек в европейском платье. Во втором экипаже, более скромном, находился другой человек, явно камердинер принца, заваленный со всех сторон огромным багажом. За ними следовала еще одна большая повозка, нагруженная тяжелыми сундуками, тюками и коробками, за которыми присматривали двое слуг.

Кучер открыл дверцу, принц встал и с большим достоинством вышел из экипажа, держа в руке тонкую черную тросточку. Я выступил вперед и низко поклонился ему: «От имени благословенного гуру, Шри Рамачандры Арджунананды Пурашараначарьи, приветствую вас, Нахиб, принц Индопура, в ашраме Кайласасту. Я — Наду Чаттерджи, смиренный ученик гуру».

Принц Нахиб ответил на мое приветствие надменным кивком, затем стал рядом с экипажем, осматриваясь. Выбрав, наконец, открытое место на небольшой возвышенности над дорогой, он

указал на него тросточкой и обратился к своему слуге: «Разбейте лагерь вон там». Повернувшись после этого ко мне спиной, он тотчас же двинулся к холмику, ожидая, пока слуги принесут багаж и снаряжение.

Поскольку мое присутствие больше не требовалось, я вернулся к гуру и застал его накрывающим миску с засахаренными фруктами зелеными листьями, чтобы сохранить содержимое миски свежим. Гуру лукаво посмеивался про себя, а его глаза искрились добрым юмором.

Он подозвал юных чел, чьи лица горели от возбуждения: «Можете пойти, дети мои, и посмотреть, как молодой раджа ставит свой шатер».

Мальчики помчались прочь и, отыскав место, откуда все было хорошо видно, присели на корточки, а в это время слуги его высочества соорудили огромный шатер из красно-белой материи, разделенный на несколько комнат. Они были изысканно обставлены складной мебелью, а на земле расстелили толстые ковры. Зубы Чуни Сена сверкали в вечернем свете, когда он с улыбкой наблюдал, как камердинер собирает большую складную ванну, и он шепнул другому челе: «Молодой принц собирается удобно устроиться. Такой роскоши достоин только наш гуру».

Обед принцу Нахибу подавали с соблюдением этикета на тарелках из чистого серебра, внося их через дверной проем его парусинового шатра. Мне же в тот вечер выпала честь обливать гуру водой из деревянного ведра.

Весь следующий день принц Нахиб просидел в большом кресле, ожидая, когда его пригласят к моему учителю. Он провел в ожидании и весь следующий день и к вечеру второго дня был явно раздражен. На третье утро камердинер явился к гуру осведомиться о приеме. Мой учитель был очень серьезен и держался с величайшим достоинством, но и его глазах прыгали смешинки, когда он сообщил слуге, что обдумает этот вопрос, и велел ему вернуться за ответом днем.

Перед самыми сумерками слуга вернулся и пробыл у гуру некоторое время. Я сидел у двери, когда услышал звон колокольчика учителя. Я тотчас же вошел и тихо сел на пол. Гуру повернулся ко мне. «Сын мой в Боге, это Рама Датта, добрый человек из рода Солнца. Я принял его в ученики. Он останется с нами как член Братства».

Мне выпала честь передать эту весть принцу Нахибу, и я выбрал двух юных чел, чтобы они сопровождали меня при выполнении этого важного поручения. Его высочество принял нас вежливо, но без всякого воодушевления и спросил, почему не вернулся его слуга.

Покончив с церемонией приветствия, я заговорил с ним так: «Ваше высочество, я принес вам привет от гуру; он знает, что вы будете безмерно счастливы, узнав, что он только что принял вашего слугу в Братство и пожаловал ему чрезвычайную привилегию — стать его учеником. Мой гуру пожелал также, чтобы я передал вам его благодарность за то, что вы привезли к нему этого замечательного человека».

Вряд ли я смогу описать, какое впечатление произвели мои слова на молодого раджу. Достаточно сказать, что он приказал немедленно разобрать его лагерь; и два пришедших со мной челы помогали упаковывать его пожитки. Час спустя принц Индо-пура отбыл в своем блестящем экипаже.

Мне стало известно, что, когда его королевское высочество махараджа узнал о происшедшем, он вознамерился передать престол младшему сыну.

Так Рама Датта, раджпут*, стал учеником благословенного гуру. Он провел у учителя восемнадцать лет, а затем организовал ашрам в Лондоне. Это был добродетельный человек.

ПОСТИЖЕНИЕ ЦВЕТКА

Иногда гуру упоминал о своей английской ученице и время от времени получал от нее объемистые письма с вопросами. В таких случаях он осторожно извлекал из черной металлической коробочки старомодные очки в золотой оправе и в течение нескольких часов внимательно читал письмо. Потом учитель диктовал ответ одному из нас, кто умел писать по-английски. Гуру проявлял большой интерес к этой англичанке и однажды поведал мне, что она была его ученицей более пятнадцати лет.

В конце концов одно из писем принесло известие о том, что мисс Хардвик, преподававшая в школе для благородных девиц, собирается провести летние каникулы в Индии, чтобы встретиться с гуру. Ради этой поездки она годами откладывала все, что могла, из своей скромной зарплаты. Учитель находился в своем уединенном пристанище близ Дарджилинга, когда пришло сообщение о том, что мисс Хардвик остановилась в Королевской гостинице в Калькутте. Гуру послал одного из старших учеников, Чандру Боза, встретить ее и проводить в ашрам.

Из уважения к английскому обычаю гуру послал депешу в Дели и попросил прибыть двух

незамужних сестер генерального адвоката*, которые в течение многих лет были его ученицами. Две индусские дамы незамедлительно приехали, и им было поручено приготовить для иностранной гостьи лучшую комнату в ашраме.

Все было устроено наилучшим образом к тому времени, когда приехал Чандра Боз, управлявший волами, запряженными в маленькую повозку, в задней части которой сидела на чемоданах мисс Хардвик, державшая над головой зеленый зонтик.

Мисс Мэдлин Хардвик оказалась высокой угловатой женщиной с коротко подстриженными седыми волосами и упрямым энергичным подбородком. На ней был английский костюм из серого твида и прочные туфли на низком каблучке.

Гуру принял мисс Хардвик на своем излюбленном месте, в тени полуразрушенной арки. Нетрудно было заметить, что чрезвычайно нервная английская дама благоговела перед великим мудрецом. Гуру был необыкновенно любезен и делал все возможное, чтобы устроить иностранную гостью со всеми удобствами. После короткого приветствия учитель позвонил в свой маленький колокольчик; появились две индийские дамы и увели англичанку в приготовленную комнату.

Мисс Хардвик пробыла в ашраме три недели, проявляя живой интерес ко всему, чем мы занимались. У нее был при себе альбом для зарисовок, и она делала множество рисунков, намереваясь по возвращении домой превратить их в акварели.

Однажды гуру обратился ко мне: «Наду, сын мой в Боге, чем сегодня занимается эта английская леди?»

«Она возле разрушенного водоема, делает набросок старого монастыря, достопочтеннейший учитель, — ответил я, — и ее зеленый зонтик при ней».

Гуру медленно кивнул головой: «Она очень искренна и очень усердна, но, увы, англичанам очень трудно приспособить свой ум к жизни, посвященной созерцанию и размышлениям. Мисс Хардвик не знает ни минуты покоя; она так энергично старается учиться, что у нее не остается времени на учение».

«А может быть, учитель, — предложил я, — я смогу помочь ей понять религиозную жизнь, потому что учился в английских школах?»

Гуру задумчиво погладил бороду и взглянул на меня с улыбкой: «Да, Наду, ты и станешь гуру английской дамы. Будь добр, пойдись сейчас к ней и дай первый урок».

Я нашел мисс Хардвик сидящей на камне. Этудик лежал у нее на коленях; одной рукой она рисовала, а другой держала зонтик. Я тихо сел и стал наблюдать, как она рисует. Закончив набросок, она поинтересовалась моим мнением. Я ответил: «Рисунок очень хорош, мэмсаиб*, но зачем рисовать так много коротких штрихов там, где было бы достаточно провести одну тонкую линию? У нас принято сначала рисовать картину в воображении, а потом несколькими прямыми штрихами переносить мысленный образ на бумагу».

Мисс Хардвик пристально посмотрела на меня и спросила, медленно выговаривая слова: «Что вы хотите этим сказать, доктор Чаттерджи?»

Видя, что она не обиделась, я продолжал: «Вы проводите много коротких штрихов, мисс Хардвик, потому что не знаете, где именно должна проходить нужная линия. Вам не хватает смелости полностью довериться единственному движению карандаша. Не так ли?»

Мисс Хардвик задумалась на минуту, а потом отложила карандаш и согласилась со мной. «Да, вы правы. Мне действительно не хватает храбрости или умения нарисовать картину несколькими смелыми штрихами».

Мне вдруг показалось, что у меня за спиной стоит гуру, я оглянулся, но его там не было. Однако его голос действительно шептал мне в самое ухо: «Продолжай, сын мой, поговори с ней, не откладывая, ведь она и мыслит, как рисует, — множеством коротких и неуверенных штрихов».

Воодушевленный уверенностью в том, что гуру меня одобряет, я объяснил — подбирая простые слова — секрет нашей философии. «Мэмсаиб Хардвик, гуру желает, чтобы долгие годы вашего добросовестного ученичества увенчались достижением самадхи. Во время вашего пребывания у нас вы искали истину так, как рисовали эту картину, — сотнями мелких нерешительных движений ума. Вы никогда не пребывали в покое, вы так и не нашли ту единственную простую линию, которая выдает великого художника. Перестаньте бояться. Не доискивайтесь мысленно того, что не постигается мышлением. Стремитесь к простоте безмолвия».

Вечером мисс Хардвик спросила, можно ли увидеться с гуру. Он тотчас же принял ее и выслушал ее просьбу. «Высокоцитимый учитель, — начала свою речь англичанка, — как мне достичь осознания и прийти к полной отрешенности, которую я наблюдаю здесь у этих святых людей?»

Гуру протянул руку к маленькому блюду и взял с него водяную лилию, которую час назад

принес ему Чуни Сен. Он дал ее мисс Хардвик; со стебелька цветка все еще капала вода: «Дочь моя, возьмите ее в свою комнату и медитируйте над ней; а как только раскроете ее смысл, возвращайтесь и расскажите мне об этом».

Как утверждали две индусские дамы из Дели, мисс Хардвик не выходила из своей комнаты пять дней, а потом вернулась к гуру с увядшим цветком в руке. Мы все заметили, как она бледна и спокойна, и поняли, что она не спала.

Гуру внимательно слушал мисс Хардвик, когда она рассказывала свою историю. «В первый вечер я все больше и больше сознавала красоту этого цветка. На второй день я стала понимать, каким чудесным образом он создан. На третий день я неожиданно для себя нашла сходство всего живого с этим цветком, а на четвертый ощутила этот цветок в собственном сердце. Но на пятый день я больше уже не сознавала ни жизни, ни цветка, ни самой себя. На меня снизошло глубокое спокойствие и, взглянув на плавающий в воде увядший цветок, я не могла ни думать, ни восхищаться, ни чувствовать. Казалось, время остановилось, а все, что осталось — это странное обезличенное ощущение страдания, которое было прекрасно. Я не в состоянии описывать его дальше, великий учитель».

Гуру опустил глаза на свои руки, лежавшие на коленях ладонями вверх. «Вы хорошо потрудились, мисс Хардвик; теперь, я полагаю, вы сможете рисовать картины одной смелой линией».

На следующий день мисс Хардвик уехала в Калькутту, сидя на своих чемоданах и держа над головой зеленый зонтик от солнца. Писем от нее гуру больше не получал.

Однажды мы спросили его, почему она перестала писать. Он улыбнулся и ответил: «Нет больше необходимости писать письма, когда сердце может разговаривать с сердцем».

ЖУРНАЛИСТ ИЗ ЧИКАГО

В деревне, в нескольких милях от нашего ашрама, в средней школе преподавал молодой пандит по имени Бишма Рей. Иногда по субботним дням он приводил в наш уединенный приют нескольких своих учеников, потому что гуру нравилось слушать, как они отвечают свои уроки. Наш учитель по обыкновению сидел в тени развалин арки, а мальчики, которым было от 10 до 14 лет, стояли перед ним и отвечали на разные вопросы по истории, географии и математике.

В одну из суббот пандит Рей принес с собой большую свернутую в трубку карту на клеенке; ее повесили на низенькой стене рядом с аркой, и ученики пятого класса в ответ на заданные вопросы показывали, где находятся разные города и страны. Это доставляло особое удовольствие нашему гуру; он улыбался и одобрительно кивал головой всякий раз, когда кто-нибудь из мальчиков правильно показывал какое-нибудь место на карте.

Это было похоже на игру. Один из младших мальчиков, одетый в полосатую рубашку из миткаля, особенно быстро отвечал на вопросы. «А где, сын мой, — улыбаясь, спрашивал гуру, — находится Чикаго?» Я помню, как этот малыш вскакивал на ноги, кланялся гуру и своему преподавателю и, подбежав к карте, прижимал маленький пальчик к нужной точке. Гуру сиял: «Очень хорошо, в самом деле очень хорошо, и раз уж ты так точно все знаешь, я думаю, тебе лучше пробежать с полмили по дороге и встретить американского джентльмена из Чикаго, который заблудился, пытаясь отыскать ашрам».

Парнишка умчался с такой скоростью, какую только могли развить его короткие толстые ножки; остальные мальчики, видя, как явно счастлив гуру, решили, что и им тоже позволительно улыбнуться.

Затем наш гуру заговорил об этом американце с пандитом Реем: «Он идет к нам с рекомендательным письмом от редактора калькуттской газеты «Forward»*. Очень хорошая газета, я читаю ее иногда, когда у меня бывает свободное время. Этого американца в его стране называют журналистом, и он может оказаться очень интересным человеком».

Гуру повернулся к маленьким мальчикам: «Ну, детки мои, не вздумайте потешаться над нашим другом-журналистом или устраивать ему какие-нибудь каверзы, потому что он считает себя очень важной персоной». С десяти маленьких физиономий тотчас же исчезли всякие следы улыбок, и мальчишки тихо уселись в ряд, как древние йоги, а их учитель, пандит Рей, одобрительно кивнул им. Потом наш гуру повернулся ко мне и сказал: «Наду, сын мой, принеси мой гребень и выходную желтую одежду; я должен выглядеть как можно лучше, потому что собираюсь фотографироваться».

Я поспешил принести учителю то, что он просил, но все мы были весьма удивлены и взволнованы, ведь гуру никогда не позволял себя фотографировать.

Учитель любезно разрешил мне расчесать и заплести его волосы, и я как раз заканчивал несколько длинных кос, когда на узкой тропинке, ведущей к ашраму, появился американский журналист. Мальш Бабу в своей полосатой миткалевой рубашке торжественно шествовал впереди, неся перед собой обеими руками шляпу американца так, словно это была корона империи. Гуру взглянул на эту картину поверх очков в золотой оправе, но выражение его лица не изменилось.

В одной руке американский господин нес небольшой несессер, а в другой — портативную пишущую машинку. Вокруг его шеи были перекинута несколько ремешков, на которых висели фотокамеры и еще какие-то маленькие футляры. Он был низкого роста, полный, почти лысый, а лицо было таким загорелым, как будто он проводил много времени на открытом воздухе. У него был пронизывающий взгляд; быстро оглядевшись, он направился напрямик к гуру. Шагах в десяти от нашего учителя он остановился и, сложив свои вещи, сунул руку во внутренний карман пиджака, чтобы достать рекомендательное письмо.

И в это время гуру заговорил: «Приветствую вас в ашраме Кайласвасту, г-н Миллер; не утруждайте себя поисками рекомендательного письма, вы оставили его в ящике комода в Калькутте. Это письмо от моего дорогого друга Субрахманьи Даса из калькуттской «Forward», и в нем содержится просьба оказать вам всяческую помощь, какую я только смогу, в подготовке книги, которую вы пишете о святых людях Индии. Надеюсь, мы сможем сделать так, чтобы вам было удобно в нашей скромной обстановке».

Он повернулся к мальчугану, все еще державшему шляпу: «Бабу, сын мой, покажи господину Миллеру на карте Чикаго. Очень хорошо, а теперь вопрос потруднее: ты можешь найти Питтсбург? Посмотрите, господин Миллер, палец Бабу как раз указывает место вашего рождения».

Господин Миллер был явно озадачен. Позже гуру сказал мне, что американских журналистов, представляющих собой весьма своеобразных людей, всегда надо сбивать с толку. Однако очень скоро господин Миллер уже чувствовал себя вполне непринужденно. Мы отвели ему лучшую комнату, и я представил его многим ученикам и пандиту Рею.

Я заметил, что американский журналист все время с некоторым беспокойством поглядывает на послеполуденное солнце, и мне пришло в голову, что он хочет сфотографировать гуру в первый же день. Так как учитель заранее дал свое согласие, то я помогал устанавливать штатив и налаживать фотокамеру. Гуру велел мне принести две священные реликвии и небольшое изображение Кришны, которые я положил на землю рядом с учителем во время фотографирования.

Г-н Миллер знал свое дело, и гуру был в высшей степени любезен, но когда позднее в Калькутте проявили фотопленки, на них были видны только реликвии, остальная часть фотографий оказалась совершенно пустой.

Впоследствии в разговоре со мной учитель заметил, что спорить с американским журналистом было бы невежливо, поэтому гуру позаботился о решении проблемы по-своему.

ИНТЕРВЬЮ

Г-н Миллер пробыл в ашраме десять дней и за это время успел задать всем нам массу вопросов. Мы старались как могли ответить на них, но американский журналист почти ничего не понимал в более глубоком аспекте наших верований. Он присутствовал на нескольких занятиях, которые гуру проводил днем, и из уважения к нему наш учитель часть времени говорил по-английски. Г-н Миллер очень много печатал на своей машинке и зачитал мне кое-что из своей рукописи. Он нашел очень хорошие слова и писал о гуру в высшей степени почтительно, но я думаю, что американцы, которые прочтут его книгу, получают более чем неполное представление о нашей философии.

На третий день пребывания в ашраме господину Миллеру пришла в голову идея написать отдельную статью в форме интервью с благословенным гуру. Договариваться об этом было поручено мне, поэтому я немедленно отправился за согласием к учителю. Гуру согласился и назначил время: в следующую пятницу во второй половине дня. Мне говорили, что

американские журналисты придадут интервью очень большое значение, поскольку, когда оно публикуется в какой-нибудь газете или журнале, его читают миллионы людей.

В пятницу господин Миллер заточил множество карандашей и установил маленький столик, чтобы иметь возможность записывать каждое слово с помощью стенографии — способа записи речи в виде сокращений, широко используемого американскими журналистами. Утром гуру отправился в дом местного фермера, у ребенка которого было видение, ниспосланное богиней Дургой*. Его сопровождали несколько учеников, а я остался с господином Миллером, чтобы сообщить ему о жизни гуру все, о чем он спросит.

Интервью началось в три часа дня. По такому важному случаю большинству учеников и чел было разрешено остаться и слушать. Особое приглашение было послано пандиту Бишме Рею, который горел желанием присутствовать при этом. С холмов пришел просвещенный ученый-буддист, а брахман — жрец храма из ближайшей деревушки — привел своего дядю, который, хотя и был слеп, очень много знал. Участники кружка по изучению истории из местной школы тоже выразили желание прийти, но возникло опасение, что такое количество детей будет отвлекать внимание. Господин Миллер любезно разрешил пандиту Рею прочитать расшифровку стенограммы интервью на специальном собрании всей школы.

Точно в три гуру занял место на своей любимой подушке и после короткой молитвы Великой Матери объявил, что готов к беседе.

Господин Миллер начал с вопроса об отношении гуру к англо-индийской политике, которое учитель вежливо отказался обсуждать. Господин Миллер оказался достаточно благоразумным, чтобы не настаивать на ответе. Он перевел разговор на теорию относительности Эйнштейна.

Гуру объяснил, что термин «относительный» следует применять ко всему, что доступно познанию с помощью интеллекта, а термин «абсолютный» — к универсальной реальности, открываемой лишь путем внутреннего осознания. Дискуссия принимала сугубо научный характер, и я заметил, что у американского журналиста возникают определенные трудности с записыванием с помощью странных значков высказываний гуру по поводу наклона плоскости континуума.

Затем господин Миллер поинтересовался мнением гуру относительно достижений западной науки вообще. Именно в этот момент наш любимый учитель сказал следующее: «Науки Запада, сын мой, достигли многого, и это огромное благо; но они ограничили себя узкими пределами материального мира. На Востоке тоже есть великие ученые; у них нет лабораторий и научного оборудования, но, исповедуя нашу древнюю религию и философию, они превратили собственные тела и умы в самые совершенные научные приборы. Эти великие йоги, исследуя протяженность времени и пространства, пришли к пониманию причин, тогда как ваши, западные, мыслители изучали только следствия».

Господин Миллер настойчиво продолжал развивать эту тему: «Значит, вы бы посоветовали восточным и западным ученым объединить усилия и поделиться знаниями?»

Гуру согласно кивнул: «Я бы рекомендовал вам, господин Миллер, выбрать в ваших университетах и научных институтах пятерых крупнейших физиков, людей не только высокообразованных, но и свободомыслящих, которые уже открыли достаточно, чтобы понять, что им нужно открыть еще больше. Пошлите этих людей в Индию, колыбель знания. Оставьте их здесь, с нами, чтобы они подчинялись нашим правилам и жили в соответствии с нашими правилами и уставом. Пусть они проживут здесь десять лет, а затем вернутся в свою страну и используют то, что узнают, так, как велит им голос сердца. Поступив так, вы коренным образом преобразовали бы всю структуру западных знаний и ускорили бы развитие своей цивилизации, по крайней мере, на тысячу лет».

В возникшей после бессмертных слов Джагат-гуру паузе слепой дядя священника брахманизма глубоко вздохнул, выразив тем самым полное удовлетворение, и все мы осознали, что нам посчастливилось услышать слова, исполненные величайшей мудрости.

Затем господин Миллер поинтересовался, могут ли жители Запада развить странные ясновидческие способности, присущие восточным мудрецам. Гуру ответил утвердительно, добавив, что если западные народы посвятят свою жизнь созерцанию и размышлениям и освободят умы от напряжения, создаваемого экономическими устремлениями, они смогут раскрыть свою духовную природу.

Когда беседа, во время которой обсуждались многие интересные темы, подходила к концу, господин Миллер задал последний вопрос: «Шри Пурашараначарья, что бы вы, как один из ныне здравствующих святых Индии, хотели бы передать через печать жителям Америки?». Гуру помолчал с минуту, и мы все с нетерпением ожидали, что он скажет. Он начал просто: «Передайте американскому народу, чтобы он был практичным». Помолчав в задумчивости еще несколько минут, гуру продолжал: «Нация практична не потому, что несметно богата,

сильна благодаря вооружению или обладает исключительным талантом или изобретательностью. Как гласит наша восточная пословица: «Тот, у кого много слонов, еще не раджа». Нация становится по-настоящему великой только тогда, когда мудро использует возможности, которыми располагает. Мудрое использование определяет не только величие, но и выживание. Чтобы выжить, нация должна отдавать все, что имеет, для удовлетворения собственных потребностей. Чтобы стать практичной, Америка должна использовать свое богатство для обеспечения полного счастья и благополучия своего народа и совершенствования и защиты всех остальных народов, менее счастливых, чем ее собственный».

Закончив говорить, благословенный гуру дал понять, что интервью закончено. Он попросил принести миску рису и немного чаю и пригласил господина Миллера разделить с ним эту скромную трапезу. Затем в качестве сюрприза рис и чай подали всем присутствовавшим, так что все удостоились высокой чести разделить трапезу вместе с нашим учителем.

Это было блестящее интервью, господин Миллер превосходно изложил его на бумаге, и через некоторое время мы получили его в напечатанном виде от одной из американских газет. В статье был портрет гуру, правда, не очень точный, хотя надо учесть то прискорбное обстоятельство, что гуру всегда плохо выходил на фотографиях*.

Пандит Рей предложил послать экземпляр интервью вице-королю с просьбой переслать текст его величеству государю императору.

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

Гуру вернулся с Кумбхамелы примерно за три недели до моего двадцатипятилетия. Пандит Бишма Рей пожелал сопровождать учителя, и в его отсутствие мне пришлось несколько недель проводить занятия с его учениками в местной школе. Мне хорошо запомнился случай, как однажды утром малыш Бабу вознамерился приехать в школу на белой корове своего отца и свалился с нее прямо у школьной двери. Помню, как я накладывал ему шину на запястье. Так Бабу стал первым пациентом в моей медицинской практике.

Вернувшись в ашрам после длительного паломничества, гуру пребывал в прекрасном расположении духа. Путешествия были его срастью, и он не раз говорил, что духовный опыт Кумбхамелы и замечательные люди, с которыми ему доводилось встречаться в пути, удесyatеряли его силы и добавляли годы к его жизни.

Как-то рано утром, за несколько дней до моего дня рождения, к нам прибыл начальник местной почты с важным на вид письмом в большом конверте для гуру. С интересом читая письмо, учитель несколько раз одобрительно кивнул головой и чему-то про себя улыбнулся, а затем внимательно посмотрел на меня поверх своих очков в золотой оправе. Я буквально сгорал от любопытства, но он промолчал, так ничего и не объяснив, а мне было не совсем удобно задавать ему лишние вопросы. Я знал, что он, когда сочтет нужным, сам заговорит об этом.

Несколько раз гуру вызывал к себе на совет Чандру Боза, который по-прежнему жил вместе с нами; заметив мой повышенный интерес к их таинственным совещаниям, он украдкой шепнул мне, что наш учитель намеревается устроить прием в честь моего дня рождения. Ну что, как не потрясение, я мог испытать при мысли, что такой великий человек решил посвятить свое время и силы столь скромной цели. Но Чандра Боз поспешил заверить меня, что вся эта затея доставляет гуру огромное удовольствие.

День моего двадцатипятилетия я запомнил на всю жизнь. Стояла прекрасная погода, и гуру решил устроить праздник на открытой площадке прямо перед полуразрушенной аркой, около которой он любил сидеть. С самого утра начали собираться друзья со всей деревни. Кто-то принес фрукты, кто-то сладости, а челы приготовили целую гору ароматного шафранного риса в огромном железном котле, в котором мы каждый день варили себе еду. В числе приглашенных было несколько важных пандитов, а отец малыша Бабу в благодарности за мою помощь сыну, сломавшему себе запястье, сумел внести свой вклад в торжество. Он пригласил трех прекрасных музыкантов из местных жителей, среди которых была одна пожилая женщина, совершенно слепая, что, однако, не мешало ей превосходно играть на вине. Начало торжественного обеда было назначено на четыре часа пополудни, а незадолго до трех Чандра Боз зашел в маленький домик, где я жил, чтобы объявить мне, что гуру приглашает меня в ашрам.

После того как я уселся в углу белой подстилки в нескольких футах от моего благословенного учителя, он медленно надел очки и, открыв стоявшую с ним рядом

шкатулку, достал оттуда большой конверт с письмом, которое принес ему почтальон в начале недели.

«Наду, сын мой, — начал гуру, развернув письмо, — я уверен, ты будешь рад, когда узнаешь, что сие длинное и прекрасное послание я получил от твоего отца с маленькой припиской в конце, сделанной рукой твоей матери. Они здоровы и счастливы и очень довольны твоими успехами. Младший из их детей обзавелся семьей и нашел свое место в жизни, и теперь они намереваются перебраться в долину Кашмира, чтобы посвятить там остаток жизни святым трудам. Твой отец продал свое дело и прислал мне вместе с этим письмом чек на двадцать пять тысяч рупий. Эти деньги он дает тебе на обустройство всем необходимым для открытия собственной медицинской практики. Боги благосклонны к тебе, Наду, сын мой, и я знаю, что ты будешь вспоминать о доброте отца и матери в своей ежедневной молитве».

Единственное, что я смог сказать в ответ, это: «Почтенный учитель, с того времени, как я стал вашим учеником, я молился о счастье моих родителей».

Гуру кивнул: «Ты хороший сын, Наду. А теперь пришло время, когда ты должен приступить к исполнению своих обязанностей как глава семьи, как муж, отец и слуга своего народа».

С этими словами гуру положил у моих ног письмо и чек и добавил: «Вот то, что тебе нужно; храни это письмо, как святыню, а на деньги купи необходимое оборудование и лекарства. Сегодня воистину день твоего рождения, ибо для тебя начинается новая жизнь, жизнь в мире — служение делу исцеления больных».

Я не мог произнести ни слова, и гуру, не желая прерывать нить моих мыслей, ждал, храня деликатное молчание. И только когда я, справившись со своими чувствами, поднял глаза и улыбнулся, учитель продолжил: «Таков закон нашего народа, что каждый мужчина, равно как и каждая женщина, явившиеся в этот мир, должны выплатить свой долг. И только дав жизнь собственным детям и предоставив им те же возможности, что были у нас, мы будем жить в духе Вед. Ты станешь отцом двух детей: сына и дочери. Ты будешь заботиться о них, дашь им образование и поможешь найти свою дорогу в жизни. Таков закон для главы семьи. И когда ты исполнишь свой долг, ты сможешь отойти от дел и уединиться в размышлениях над духовными материями. А пока ты должен жить в том же мире, который обычные люди приняли как свою жестокую участь».

Закончив речь, гуру позвонил в маленький серебряный колокольчик. Висевшие на двери портьеры раздвинулись, и вошел Чандра Боз. Гуру улыбнулся и кивнул головой. Чандра вышел и через минуту вернулся, ведя за собой юную девушку-индуску в бледно-голубом сари. Она робко прошла вперед и села на белую подстилку в противоположном от меня углу.

«Налу, сын мой, — сказал гуру, — вот твоя жена, которую я выбрал для тебя. Ее отец был одним из моих учеников. Она посвящена во все наши дела и будет тебе верной подругой. Она станет хозяйкой твоего дома и матерью твоих детей».

Так я встретился с Радхой, ставшей моей женой по воле благословенного гуру, и мне никогда не пришлось испытать сожаление по поводу его выбора; решение моего гуру было мудрым, ибо он познал суть вещей.

Беседа закончилась. Все приглашенные уже собрались. Мы вышли к гостям, и прежде чем началось торжество, всем было объявлено о нашем обручении. Радха села рядом со мной и положила мне рис с шафраном из большой деревянной миски. Поистине это был великий день, и наш гуру был так доволен, что почтил наш слух пением старинных песен гор, тех песен, что пел бог Индра еще до того, как было завершено сотворение мира, а старая слепая женщина сопровождала его на своей вине.

НА СЛУЖБЕ У МАХАРАДЖИ

На следующий день гуру обсудил со мной планы в отношении моей будущей профессиональной деятельности. Он уже сделал все необходимые приготовления, и ему осталось только сообщить мне о своем решении.

Днем, когда мы сидели в тени полуразрушенной арки, гуру обратился ко мне со словами: «Недавно я встретился с его королевским высочеством махараджей рамой* Дхаратура; это человек чрезвычайно прогрессивных взглядов; махараджа возведен на престол благодаря

исключительной благосклонности богов, ибо был рожден подпаском. Огромную часть своих доходов он отдает на образование своего народа. Махараджа построил школы и университеты, библиотеки и медицинские колледжи и всеми силами стремится поправить здоровье всех своих подданных. Его королевское высочество милостиво выразил желание стать твоим покровителем и предлагает тебе поддержку со стороны государства в осуществлении его плана обеспечения лекарствами и внедрения западных методов врачевания в самые маленькие селения его владений. А поэтому ты немедленно выедешь в Дхарапур и там вручишь эти письма махарадже раме. Под покровительством такого прекрасного и благородного человека перед тобой откроется широкое поле деятельности, причем не только в частной практике; ты получишь возможность строить институты, создавать новые законы и множеством других способов улучшать жизнь народа. Ступай, сын мой, и да будет тебе мое благословение во всех твоих делах. Когда ты будешь мне нужен, я дам тебе об этом знать».

Такова история моего отбытия из ашрама Кайласвасту. Перед отъездом гуру обнял меня и вручил необходимые бумаги, а также немного денег на личные расходы. Остаток дня прошел в несложных сборах и прощании с челами и учениками, которых я успел узнать и полюбить.

Радха вернулась в дом своего отца, где она должна была оставаться до дня нашей свадьбы в Дхарапуре. Благословенный гуру уже сделал все необходимые приготовления для этой торжественной церемонии.

После двухдневной поездки на поезде я поздно вечером прибыл в прекрасный город Дхарапур со множеством парков, а его широкие улицы буквально утопали в роскошных садах. В одном из небольших парков мне особенно запомнилась изящная статуя махараджи верхом на горячем коне.

Я представил свои бумаги во дворце, и меня сразу же провели в покои рамы. Я вошел в прекрасный зал, все стены которого были сделаны из зеркал, и предстал перед его королевским высочеством. Это был человек средних лет, невысокого роста и немного полноватый, одетый в длинную робу из желтого шелка и плотно сидевшую на голове маленькую черную шапочку. Его благородное лицо с тонкими чертами освещалось добротой, которую излучали его глаза, живо напомнившие мне моего благословенного гуру.

После того как я засвидетельствовал ему свое почтение, рама предложил мне сесть и обратился ко мне со следующими словами: «Доктор Чаттерджи, вы еще совсем молодой человек и только начинаете свою карьеру в медицине. Здесь, в Дхарапуре, нам очень нужны врачи, молодые врачи, выходцы из нашего народа, нашей расы. У нас есть несколько прекрасных врачей-англичан, и работают они буквально не покладая рук, но они не понимают Индию так, как понимаем ее мы. Они несут знание, но не понимание. Ваш знаменитый учитель, великий святой Пурашараначарья, многому научил вас, раскрыл тайны души и разума. И если вы сумеете объединить духовные истины, которые узнали от него, с научными знаниями, приобретенными вами в университетах, то сможете стать выдающимся руководителем среди нашего народа».

Я заверил махараджу, что единственным моим желанием было служить Индии, выражая тем самым твердую приверженность великой философии, которую я узнал от гуру. Рама остался чрезвычайно доволен моим ответом и совсем по западному протянул мне руку, чему я несколько не удивился, зная, что он долгое время жил в Европе.

«Тогда до завтра, — закончил он, — мы встретимся здесь же, во дворце, и вместе поедem в новый госпиталь, открывшийся менее года назад. Там я представлю вас английским и местным врачам. И я бы посоветовал вам остаться и поработать год-два в этом госпитале, чтобы познакомиться с общей программой здравоохранения, которую мы здесь разработали. Ну а потом я передам в ваши руки руководство новой больницей, которая еще только строится в северных провинциях. К сожалению, в некоторых из соседних княжеств пока что нет четко составленного плана по борьбе с местными болезнями, которые постоянно распространяются через наши границы, и, чтобы наконец справиться со всяческими эпидемиями, необходимы надлежащие правила санитарии и гигиены. Итак, до завтра, доктор Чаттерджи, и да поможет вам Бог».

Весь следующий день мы путешествовали по городу Дхарапуре и побывали не только в новом госпитале, о котором говорил махараджа, но и в нескольких клиниках и школах. Я не переставал удивляться мудрости, с какой рама тратил свое огромное состояние, чтобы улучшить положение своих подданных. Он очень гордился реальными достижениями, а его энтузиазм помог мне осознать, насколько почетно было работать с ним вместе.

Ближе к вечеру, перед тем как попрощаться, рама повернулся ко мне и, улыбнувшись, сказал: «Я слышал, доктор Чаттерджи, что через несколько недель должна состояться ваша свадьба здесь, в Дхарапуре, в ашраме вашего учителя». Однако, заметив мое смущение от такого неожиданного вопроса, рама больше по этому поводу ничего не сказал, а только

пожал мне руку и пожелал счастья и всяческих успехов.

В день свадьбы, когда все мы собрались в ашраме, прибыл посланец от махараджи. Он вручил мне превосходную фотографию рамы с его автографом в рамке, украшенной рубинами и изумрудами, а Радха получила в подарок от махарани сари, сотканное из нитей чистого золота. На словах посланец также передал, что рама очень сожалеет, что не сможет присутствовать на нашей свадьбе, поскольку вынужден совершить свое обычное путешествие в Германию к минеральным источникам Бадена.

Оставшись в Дхарапуре, я проработал в тамошнем госпитале полтора года, а затем был переведен в новую больницу на северных холмах. Здесь в мое распоряжение был предоставлен штат молодых врачей и медсестер; в течение первых нескольких месяцев с нами работал хирург британской армии. После его отъезда я принял на себя полное руководство больницей, рассчитанной на сто двадцать человек, и оставался на посту директора в течение двадцати лет.

ВИЗИТ МАХАРАДЖИ

Моя новая больница находилась на окраине небольшого селения. Мы с Радхой не захотели жить на территории больницы и купили себе поблизости дом с красивым садом, где росло несколько огромных старых деревьев. На отшибе в саду стоял маленький флигель, где я устроил себе кабинет и крохотную лабораторию. Обустроившись таким образом, я смог открыть частную практику в дополнение к моей основной работе в больнице. В тот период частная практика играла для меня очень важную роль, так как позволяла мне ближе познакомиться с жизнью простых людей, что оказывалось чрезвычайно затруднительным в большом учреждении.

Все произошло именно так, как предсказывал мой гуру. Через два года после того, как мы поселились в нашем маленьком домике, у нас родился сын. Мы назвали его Рамачандрой в честь гуру. Ребенок появился на свет в больнице, и молодой врач, Малхар Дан, мой младший ассистент, выполнил обязанности акушера. В следующем году родилась наша дочь, которой мы в честь матери моей жены дали имя Лилия.

Желая сделать все от меня зависящее, чтобы как можно успешнее осуществлялась программа здравоохранения, которую столь щедро финансировал махараджа рама, я первым делом решил заняться обследованием состояния здоровья населения в нескольких маленьких городках и деревнях моего округа. Результаты исследований я тщательно записывал в тетрадь, попутно добавляя кое-какие замечания и предложения, которые могли улучшить условия жизни людей. Радха принимала самое деятельное участие в моей работе, посещая дома людей из всех слоев общества и рассказывая им о гигиене и евгенике*. Я очень надеялся, что потом из своих заметок и наблюдений сумею составить подробный отчет, который представлю на суд рамы.

Над своим отчетом я проработал без малого четыре года, и когда он, как мне показалось, приобрел вполне законченный вид, я решил, что могу, наконец, отправить результаты моих наблюдений его королевскому высочеству. Секретарша в больнице любезно согласилась напечатать отчет на машинке, и в таком виде я и послал его раме, приложив длинное письмо с пояснениями.

Прошло несколько недель, но никаких известий из Дхарапуре мы за это время не получили, и я уже стал опасаться, что мой отчет махарадже не понравился. Но вот однажды днем, вскоре после моего возвращения с работы, я услышал шум автомобиля, остановившегося прямо перед нашим домом. Это оказалась старая расхлябанная колымага, принадлежавшая Махадео Рао, упорно называвшему ее «такси».

Я подошел к двери, думая, что это, вероятно, один из моих пациентов, который был настолько плох, что не смог дойти пешком до моего дома. Однако, к своему изумлению, я увидел, как из машины вышел невысокого роста полный господин в простом сером костюме, оказавшийся махараджей рамой. Его королевское высочество был совершенно один, без свиты, так что мистер Рао, видимо, даже и не подозревал, какого важного пассажира, сошедшего с поезда, он привез к нам в дом.

Его королевское высочество уже успел войти в наш маленький садик, когда я поспешил ему на встречу. В руках он нес небольшой чемоданчик и внушительных размеров портфель. Я хотел

помочь ему нести вещи, но он отказался, и мы вместе вошли в дом. Рама любезно приветствовал мою жену и выразил восторг при виде наших детей.

Визит рамы был до того неожиданным, что мы пришли в полную растерянность, не имея времени, чтобы подготовиться к приему столь высокого гостя. Однако он, сразу же поняв причину нашего замешательства, настоял на том, чтобы мы ни в малейшей степени не меняли сложившегося уклада нашей жизни. Махараджа рама провел у нас почти неделю. Он был настолько простым и естественным в общении, что это заставляло забывать о том высоком положении, какое он занимал. Он спал в комнате для гостей на простой постели, делил с нами пищу и каждый день ходил со мной в больницу.

На второй день, вечером, когда мы уже заканчивали ужинать, рама дал мне понять, что хотел бы обсудить мой отчет. Радха, решив, что его королевское высочество желает устроить нечто вроде делового совещания, встала из-за стола и, извинившись, хотела уйти, но махараджа остановил ее со словами: «Миссис Чаттерджи, вы всячески помогли подготовке этого отчета, и мы были бы вам очень признательны, если бы вы остались. Мы с вами живем в современной Индии, где и мужчины, и женщины могут в равной степени содействовать прогрессу нашего государства».

Для нас эти его слова послужили доказательством, что он очень доволен полученными сведениями. И мы не ошиблись, поскольку он первым делом похвалил нас за дух служения, подвигнувший нас на выполнение длительной и трудной работы по сбору информации. Он крайне одобрительно отнесся к моим предложениям и заметил, что им незамедлительно будет уделено должное внимание.

Его королевское высочество чрезвычайно заинтересовался моей частной практикой и выразил желание познакомиться с картотекой историй болезней моих пациентов. Вместе мы обсудили несколько особо серьезных случаев, и я не преминул заметить, что большинство из них вызвано недоеданием и недостатком химических веществ. Почва истощилась за тысячелетия непрерывного возделывания, а потому необходимо разработать программу чередования сельскохозяйственных культур и использования химических удобрений, чтобы как-то исправить сложившуюся ситуацию.

Неожиданно наша беседа была прервана прибытием старейшин деревни, узнавших о приезде рамы и пожелавших

засвидетельствовать ему свое почтение. Махараджа согласился их принять, и этот прием затянулся почти до полуночи. За это время у нас побывали практически все жители деревни, поскольку его королевское высочество пользовался высочайшим уважением всех своих подданных. Шункар Дас, отец одиннадцати сыновей, попросил разрешения представить их махарадже, и мальчики выстроились в ряд наподобие ступенек лестничного пролета. Миссис Дас, ростом едва ли выше младшего из своих детей, отличавшаяся крайней скромностью, натянув на голову сари, закрыла им свое лицо так, что, когда она в поклоне склонилась перед махараджей, видны остались только ее глаза.

Дхонди Рао, одноглазый серебряных дел мастер, пожелал подарить его высочеству серебряную тарелку, которую тот любезно принял. Субха Байсей, местный поэт, сложил короткое стихотворение в честь махараджи и прочел его в присутствии всех собравшихся:

Наду Чаттерджи

*Уподоблю я наши сердца тем садам небольшим,
вдоль дороги селенья растущим;
Переполнены мы негасимой любовью к тебе,
кто сады заполняет цветами,
яркой радугой землю устлавшими.
Будь же милостив ты, о Великий Владыка,
и прими эти духа цветы,
Ибо только в заботе твоей неусыпной
обретают они своего аромата источник.*

Рама был настолько любезен, что попросил у поэта экземпляр его стихов в память о столь волнующих событиях. Для всех у него нашлось доброе слово и приветливая улыбка, а матерей он похвалил за то, что у них такие красивые и достойные дети. В этот длинный и утомительный вечер он своим отношением к окружающим напоминал любящего отца, искренне заинтересованного в том, чтобы все его дети были счастливы. Это было настолько прекрасно, что мое почтение к его королевскому высочеству переросло в глубокое восхищение.

В самом конце вечера к нам подошел Махадео Рао с робкими извинениями за полученную с махараджи плату за проезд в своем автомобиле. В руках он держал монеты, полученные им от махараджи, и попросил разрешения вернуть ему их обратно. Однако его королевское высочество убедил Рао, что его финансовые возможности позволяют ему оплачивать свой проезд без всякого ущерба для его кармана.

Перед самым отъездом рама пригласил нас с Радхой и нашими детьми погостить у него во дворце в любое время, когда у нас появится желание съездить в Дхарапур, и добавил, что лучше всего нам было бы приехать в следующем феврале, так как именно в этом месяце должна состояться важная встреча ученых и врачей из нескольких туземных княжеств.

Махадео Рао вызвался подвезти его королевское высочество к поезду, а поскольку из всей деревни автомобиль был только у него, то, следуя неоспоримой логике, подобная привилегия, естественно, досталась именно ему. Рао составил маршрут их поездки до станции таким образом, что они проехали по главным улицам селения. Все жители высыпали из своих домов и восторженно приветствовали его королевское высочество, а затем, собравшись в процессию, сопровождали махараджу до самой станции.

Приезд рамы стал важнейшим событием в жизни этого маленького городка со времени смерти одного знаменитого святого около 200 лет назад.

МАЛЕНЬКИЕ УЧЕНИКИ

Моему сыну уже исполнилось десять лет, когда я получил первое письмо от гуру. В нем учитель сообщал, что вполне доволен моей работой, относительно которой он был прекрасно осведомлен, а также выражал желание познакомиться с моей семьей и благословить моих детей и приглашал нас приехать при первой же возможности.

Желание гуру было законом для его учеников, и я сразу же отдал все необходимые распоряжения на время моего недолгого отсутствия в больнице. Прежде я уже рассказывал сыну и дочери об учении моего благословенного гуру, и они, хотя и были еще слишком малы, полностью осознавали важность предстоящего события.

Гуру тогда жил в ашраме в Кайласасту, куда мы и отправились сначала на поезде, а затем на автомобиле. За те двенадцать лет, что я не был в ашраме, там мало что изменилось. Разве только выросли и ушли бывшие челы, но их место заняли другие юноши, а общая атмосфера осталась такой же спокойной, как и прежде.

Я застал гуру сидящим на своем любимом месте в тени полуразрушенной арки. Не скажу, чтоб он хоть сколько-нибудь постарел. Когда мы подошли ближе, он приветствовал нас улыбкой и, по своему обыкновению наклонив голову, произнес: «Наду, сын мой в Боге, и Радха, дочь моя в Боге, я приветствую вас от имени нашего святого ордена. А эти малыши, разве они мне не внуки в Боге? Им я тоже очень рад».

Дети, явно испытывая чувство смущения в присутствии столь великого человека,

разглядывали его долго и с любопытством. Я много рассказывал им о гуру, и он, должно быть, казался им одним из богов.

Увидев их смущение, гуру протянул детям руку со словами: «Не бойтесь, подойдите и сядьте вот здесь, рядом со мной». Мой сын, первым набравшись храбрости, взял Лилию за руку, и они вместе подошли поближе к учителю и сели к нему лицом.

Заметив, что учитель хотел бы остаться с детьми наедине, мы с Радхой отошли от них и, остановившись неподалеку, заговорили с учениками, с которыми я был уже знаком.

Во время беседы я вдруг услышал, как серебряным колокольчиком рассыпался звонкий смех Лилии, и, обернувшись, увидел, что наша малышка сидит на коленях у гуру, а маленький Рамачандра с аппетитом поедает засахаренные фрукты из миски, которая была спрятана, правда, не слишком тщательно, рядом с гуру. Учитель пребывал в прекрасном настроении, и мы поняли, что он завоевал сердца наших детей.

В ашраме мы могли оставаться не дольше трех дней, поскольку неотложные дела призывали меня обратно в больницу. Гуру, прекрасно понимая мои затруднения, уверил меня, что моей первой обязанностью является забота о моих пациентах.

В последний вечер нашего пребывания в ашраме благословенный гуру устроил небольшую торжественную церемонию, навсегда оставшуюся самым прекрасным воспоминанием в нашей жизни. Он собрал нас всех вместе в ашраме и усадил по краям большой белой подстилки. Вначале учитель обратился к детям: «Мои маленькие внуки в Боге, для вас жизненный путь только начинается. В будущем вы тоже обратитесь к святой жизни. Это ваша дхарма, ибо еще до вашего появления на свет вас посвятили богам и служению нашей Великой Матери». Дети хранили глубокое молчание, а в их глазах отразилось полное понимание. Гуру наклонился и положил руки на головы детей. «А теперь, мои малыши, примите благословение старого человека, долго служившего богам и ставшего гуру вашего отца. И пусть благословение Великого, кто есть Владыка всего мира и кто навечно вступил на престол и восседает на троне из семи колец вечного змея, снизойдет на вас из рук его слуги. И пусть он всегда озаряет вас светом своего духа, ведя вас дорогой праведности. Ом тат сат».

Закончив речь, гуру снял руки с голов детей и взял каждого из них за правую руку. «Согласно Воле Великого Владыки, вы, как и ваш отец, должны стать моими учениками. Я, по закону наших отцов, принимаю вас в наше Братство. Рамачандра, хочешь ли ты что-нибудь сказать?»

На обращение гуру мой сын ответил так, что я никогда не перестану восхищаться мудростью его слов, поскольку ему тогда едва исполнилось десять лет. «Благословенный гуру, сегодня я исполняю предназначение моего воплощения. В прошлых жизнях я был учеником святого ордена. В этой жизни я продолжу ученичество, и в будущих жизнях я стану молиться и надеяться, что всегда буду слугой Великого Владыки и исполнителем его дел». Это были слова не маленького мальчика, а умудренного жизнью человека, и мы поняли, что наш сын, хотя и молод телом, уже повзрослел духом.

Затем гуру обратился к нашей дочери: «А что ты хотела бы сказать, Лилия?» Она ответила: «Мой брат все сказал за меня, благословенный учитель. Хотя в этой жизни мне пока всего девять лет, я тоже уже была слугой нашего святого ордена. И я как дочь, жена и мать посвящаю свою жизнь служению Великому Владыке, чтобы он направил меня к свету, что всегда сопутствует ему, и я буду до самой смерти во всем слушаться гуру».

Нетрудно представить себе ту радость, с какой Радха и я слушали детей, ибо мы в тот момент поняли, что они продолжают дело жизни, когда закончится время нашего служения. Нельзя было не заметить счастье, отразившееся на лице гуру, и наши души преисполнились благодарностью за все хорошее, что пришло к нам за время служения родному народу.

После этого учитель повернулся к Радхе со словами: «Дочь моя в Боге, твой отец был гуру нашего ордена, как прежде и его отец. Когда ты появилась на свет, твой отец принес тебя ко мне, и я посвятил тебя служению Великому Владыке. Ты исполнила все обязанности, что были возложены на тебя; а теперь ты дала жизнь сыну и дочери и воспитала их согласно законам нашего Братства; ты оправдала все наши ожидания». Гуру протянул руку и положил ее на руку Радхи. «А теперь, дочь моя, я принимаю тебя в нашу благословенную сестринскую общину; ты уже более не чела, а одна из моих учениц».

К этому я хотел бы добавить еще несколько слов. Все, кого я любил более всего на свете, объединились вместе со мной в нашем святом ордене и удостоились привилегии получать наставления от великого учителя. Затем гуру обратился ко мне: «Наду, сын мой, я сделал для тебя все, что мог. Сегодня я исполнил твое самое сокровенное желание. Пока ты должен продолжать свое служение как глава семьи и отец. Дети останутся с тобой еще на пять лет, а потом ты приведешь их ко мне. Тем временем расскажи им о деятельности Братства и помоги как можно лучше понять религию и философию нашего народа. Когда ты исполнишь свою задачу как глава семьи, ты займешь более высокое положение в ордене. А до тех пор да

будет с тобой благословение вечного Владыки Владык».

На следующий день мы вернулись в Дхарапур, и с этого момента в нашем доме воцарилась новая атмосфера. Вся наша последующая совместная жизнь проходила в духе учения благословенного гуру.

ИСКУПЛЕНИЕ РАБУ

Однажды вечером, когда я работал в своей лаборатории, ко мне пришли Шункар Дас с женой. Добрая женщина была очень обеспокоена состоянием здоровья своего третьего внука. А дело было вот в чем. Когда ребенок родился, семейный астролог предупредил родителей, что мальчик может умереть, когда ему исполнится шесть лет. Роковой момент приближался, а тут, как назло, малыша Рабу поразила какая-то непонятная тропическая болезнь и он потерял способность усваивать пищу.

Миссис Дас принесла гороскоп внука и, развернув его передо мной, попросила по расположению планет определить причину болезни и средство ее излечения. К сожалению, я был не слишком сведущ в такого рода делах, хотя не раз видел, как гуру изучал гороскопы своих учеников.

Я попросил миссис Дас оставить у меня гороскоп Рабу, пообещав ей, что я сосредоточусь на здоровье ее внука во время своей вечерней медитации. Кроме того, я велел ей на следующее утро привести ребенка в больницу, чтобы мы провели там полное обследование. И поскольку вся семья безоговорочно верила в мои профессиональные способности, они удалились, немного успокоившись и унося в душе некоторый проблеск надежды.

После ухода господина и госпожи Дас я занялся изучением гороскопа и несколько раз прочитал раздел, где говорилось о здоровье мальчика. Там было множество странных символов и рисунков, смысл которых был мне едва понятен, но все они указывали на серьезную болезнь, которая могла оказаться смертельной. Обрадованный тем, что предсказание смертельного исхода болезни не было однозначным, я, оставив на столе развернутый свиток с гороскопом, вознес Богу краткую молитву, умоляя его наделить меня мудростью, дабы я смог спасти жизнь внука госпожи Дас. Когда я закончил молитву, было уже довольно поздно. Заперев дверь лаборатории, я поспешил в дом.

Проходя по нашему маленькому саду, сплошь залитому лунным светом, я услышал глухой звук от ударов обитого железом посоха по пыльной дороге, а затем увидел медленно приближающегося монаха нищенствующего ордена. Высоким тонким голосом он монотонно пел древние ведические гимны. Для святого человека было довольно необычно оказаться на улице в столь поздний час, и я, зная это, остановился около ворот на тот случай, если монах попросит что-нибудь поесть.

Через несколько минут монах, широко и тяжело ступая, подошел к нашим воротам, и я смог лучше его разглядеть. Это был очень высокий, грузный человек с похожей на львиную гриву копной тронутых сединой волос. Одеждой ему служил кусок белой ткани, один конец которого был закручен вокруг плеча.

Он без колебаний вошел через ворота в сад и направился прямо к тому месту, где я стоял, скрытый тенью одного из огромных деревьев. Его приветствие было простым и кратким: «Да защитит тебя Святое Слово, сын мой». Я наклонил голову и ответил: «Да благословит вас Великая Мать, почтенный господин».

Затем, согласно обычаю, я осведомился, не нуждается ли он в пище или ночлеге. Монах покачал головой: «Я отправился в длительное путешествие, и оно еще не закончено. Мне ничего не нужно».

Пока мы стояли в свете луны, я заметил легкое мерцающее сияние вокруг головы и плеч монаха и понял, что передо мной был самый настоящий святой. «Как это случилось, почтенный господин, — спросил я его, — что вы удостоили меня чести тем, что ступили на землю моего сада?» Аскет оперся на свой посох и ответил: «Этой ночью ко мне долетела мысль из этого дома; из нее я узнал, что Наду Чаттерджи, ученик нашего святого ордена, просит помочь ему исцелить от болезни третьего внука Шункара Даса. Так ли это?»

«Да, это так, почтеннейший господин, — ответил я, — и я приветствую вас от имени моего благословенного гуру и умоляю вас помочь мне спасти жизнь этого малыша». Со словами «Покажи мне гороскоп мальчика» монах повернулся и зашагал к лаборатории.

Войдя в кабинет, он уселся на пол и, развернув длинный свиток с гороскопом, углубился в изучение таинственных символов. Наконец он поднял глаза и, опершись руками о колени, заговорил: «Доктор Чаттерджи, сын мой, есть болезни плоти, от которых можно излечить лекарствами и наукой; но есть и другие болезни, от которых можно исцелиться только с помощью богов. Я узнал, что в другой жизни этот мальчик был отцом дочери, но поскольку он хотел сына, то был жесток со своим ребенком, не заботился о дочери и желал ей скорейшей смерти. Стремясь выполнить свое намерение, он отвел ее в джунгли и бросил там на растерзание диким зверям. Итак, как ты понимаешь, он намеренно пытался ее погубить, но в материальной действительности его намерение не осуществилось. Ее нашел один великий и святой отшельник и взял к себе в свое уединенное жилище. Там она выросла и стала знаменитой йогиней. Эта святая женщина совершила немало добрых дел, говорящих о ее милосердии и великодушии, и постоянно молилась о том, чтобы таким путем ей удалось искупить грех своего отца и добиться его прощения. Вот почему малыш Рабу заболел; однако он может остаться в живых благодаря молитвам и добрым делам своей святой дочери».

Выслушав историю, я спросил: «Если ребенку суждено поправиться, почтеннейший господин, какие средства для этого необходимы?»

Святой поднялся и выразил желание покинуть кабинет. «Никакое лекарство здесь не поможет, — сказал он, — а теперь мы должны вместе пойти в дом Шункара Даса».

После нескольких минут ходьбы мы подошли к дому Даса и увидели, что все окна в доме ярко освещены. Ребенку стало хуже, и у его постели собралась вся семья вместе с молодым врачом из нашей больницы, жившим в соседнем доме.

Монах подошел к кровати, на которой лежал Рабу, и стал пристально смотреть на мальчика, изнуренного и истерзанного лихорадкой. Он был в сознании, но периодически впадал в бредовое состояние. Наклонившись над малышом, монах обратился к нему со словами: «Рабу, сын мой, знаешь ли ты причину своей болезни? Известно ли тебе, что это твоя карма за злодеяние, совершенное в прежней жизни?»

Ко всеобщему изумлению мальчик прошептал: «Да, отец, я знаю, что совершил грех».

Монах снова спросил: «Раскаиваешься ли ты в содеянном зле?»

И опять Рабу шепотом ответил: «Да, отец, я раскаиваюсь, ибо знаю, что бросил свою дочь на произвол судьбы и оставил ее умирать в лесу».

После этих его слов монах заговорил уже несколько мягче: «Милостью Великого Владыки девочка была спасена и, став великой святой, совершила множество добродетельных поступков; в своих молитвах она не забывала о тебе и просила, чтобы тебе даровали прощение».

Мальчик слабо улыбнулся и еле слышным голосом проговорил: «Благословенный отец, вы доставили мне великое счастье вестью о том, что мой грех не погубил моего ребенка».

И, обратившись к Рабу в последний раз, монах произнес следующие слова: «Я пришел сюда, чтобы исполнить просьбу великой йогини, твоей дочери. Смотри, я принес ее молитву в своих руках и, передавая ее тебе, я вкладываю ее тебе прямо в сердце, чтобы ты смог стать сильным и посвятить свою жизнь добрым делам». Аскет сложил руки в пригоршню, а потом раскрыл их прямо над сердцем больного малыша. Затем он повернулся к его родителям и сказал: «Дайте ребенку поесть, он будет жить, а когда станет взрослым мужчиной, у него родится дочь, и он будет ее очень любить и благодаря ей совершит то, что ему не удалось исполнить в прежней жизни».

Закончив речь, монах повернулся ко мне: «В своем путешествии я уже прошел немалый путь и столько же мне еще предстоит пройти. Прощай, во имя нашего святого ордена».

Он медленно вышел из комнаты, и я еще долго слышал размеренный стук его посоха и тонкий высокий звук его песни, пока он окончательно не растворился в ночи.

Рабу поправился и стал красивым и сильным юношей.

РАССТАВАНИЕ С ДЕТЬМИ

Незадолго до того, как моему сыну исполнилось пятнадцать лет, гуру приехал в Дхарапур как гость махараджи рамы. На территории дворца стоял небольшой красивый дом из белого мрамора, стены которого были украшены мозаикой из кусочков зеркального стекла. Этот дом был отдан в полное распоряжение гуру и его учеников, и там же учитель принимал особо важных посетителей.

Махарани, супруга махараджи, была женщиной с сильным характером и прогрессивными взглядами и полностью поддерживала социальную программу его королевского высочества. В

последние годы махарани заинтересовалась мистицизмом и эзотерическими доктринами нашей древней религии и хотела обсудить эти вопросы с гуру, что и стало главной причиной его приезда в Дхарапур.

Зная, что пришло время отвести наших детей к учителю, я постарался как можно лучше подготовиться к грядущим большим переменам в нашей жизни и вместе с семьей отправился в столицу. Его королевское высочество оказал нам самый любезный прием и отвел нам несколько комнат во дворце.

В свое время особое восхищение махараджи вызвал дворец в Версале, утопающий в прекрасных садах. Он выписал из Европы архитекторов и мастеровых, чтобы те построили ему дворец по образцу резиденции французских королей. Затем он украсил огромные помещения дворца бесценными предметами старины в соответствующем стиле, и с тех пор они с женой жили среди этого великолепия, в точности скопированного с французского дворца.

Там я удостоился чести познакомиться с его высочеством наследным принцем. Это был высокий, стройный и в высшей степени благовоспитанный юноша. Он боготворил своего отца и уже принял твердое решение досконально выполнять программу служения обществу, основателем которой был правитель рама. Наследный принц учился в Оксфордском университете и проводил в Дхарапуре летние каникулы.

Когда гуру гостил у махараджи, он никогда не входил во дворец, а обычно приходил и садился на одной из широких белых ступеней, что вели вверх, к тронному залу и парадным покоем. Сидя на ступени, он наблюдал за важными персонами, входившими и выходившими из дворца, а если выдавался особенно погожий день, гуру мог позволить себе роскошь принять солнечную ванну. Иногда к нему выходил рама и, сев рядом, принимался обсуждать с ним вопросы классической литературы, большим знатоком которой он был с давних пор.

Однажды днем, когда гуру спокойно сидел на ступени, я подошел к нему и спросил разрешения нарушить его покой. Он жестом пригласил меня сесть рядом и сказал: «Наду, сын мой, ты привел ко мне детей, и я хочу рассказать тебе, каким мне видится их будущее. Я решил, что твой сын продолжит твоё дело и займет твоё место, когда тебе придет время обратиться к святой жизни. Махараджа рама одобрил мое решение и заверил, что твой сын вполне может рассчитывать на его покровительство. В отношении твоей дочери у меня не совсем обычные планы. Я хочу, чтобы она стала лидером в нынешней политической и общественной жизни индийских женщин. Поэтому ей предстоит получить образование в области политических наук. Когда она закончит школу, которую я сочту подходящей, я отправлю ее в Европу и, возможно, в Америку».

И вновь я поразился великой мудрости благословенного гуру и глубокому знанию характеров детей. Много раз мой сын, Рамачандра, говорил мне, что хотел бы стать врачом, а дочь, Лилия, прочитывала все книги, какие мы только могли ей достать, содержащие сведения о социальных реформах, способных изменить положение индийского народа.

Тем же вечером мы с Радхой отвели детей в мраморный дом для гостей, где остановился гуру. И, хотя в каждой комнате этого дома было по несколько электрических светильников, учитель предпочитал пользоваться своей масляной лампой, отражавшейся в тысячах кусочков стекла, составлявших зеркальную мозаику стен его комнаты. Казалось, что гуру сидит в окружении бесчисленного множества крохотных звездочек.

Учитель принял детей с большой нежностью и обратился к ним со словами: «Рамачандра, сын мой в Боге, и Лилия, дочь моя в Боге, сегодня вечером вас привели ко мне согласно древней традиции наших отцов. Мир меняется, и люди начинают жить по-новому. Но при этом вечно меняющемся образе жизни и мышления древняя дорога остается неизменной. В мире есть множество принцев и правителей, в нем существует много наций с разными идеалами и целями. Но вечно правит Владыка Владык со священного острова в океане песка. Высоко над горами восседает он на своем троне из лотоса, держа в руках трезубец и витую раковину. Пред ним должны преклоняться все земные правители, ибо он — Владыка всего. Его пути неизменны, а цели — постоянны, и каждый, кто намерен служить своему народу, должен подчиняться его законам и следовать путем, который ведет к нему. Дети мои, отныне жизнь ваша посвящена ему. Я всего только скромный гуру, учитель законов Владыки, и мой долг наставлять вас на пути к нему и ради него. Если вы любите его, вы будете слушаться меня и без возражений выполнять все, что я потребую. Поступая таким образом, вы будете развивать внутреннюю дисциплину, ибо самодисциплина — это срединный путь, что ведет в Священный Город. Повинуясь мне, вы не служите мне, а совершенствуете себя в послушании. Знайте, дети мои, послушание — это наивысшая из добродетелей. Мы становимся великими настолько, насколько умеем повиноваться. Я больше не буду говорить об этом, ибо надеюсь, что вы и так все понимаете. С этих пор я ваш новый отец, ваш защитник и ваш учитель».

Затем гуру обнял детей и позвонил в маленький серебряный колокольчик, который всегда стоял с ним рядом. В комнату бесшумно вошла пожилая женщина в длинном коричневом сари и молча остановилась. Гуру обратился к ней со словами: «Святая сестра, этих детей даровал мне Бог. Отведи их в подготовленную для них комнату и позаботься о них».

Так мы расстались с нашими детьми и не виделись с ними почти восемь лет.

На следующий день мы с Радхой вернулись домой, а несколькими днями позже гуру отправился в длительное путешествие на север Индии. Путь его лежал в Непал; с ним ушли и наши дети. Окольными путями я узнал, что наш сын оставался с гуру еще примерно с год, а затем был зачислен в превосходную школу в Дели. Наша дочь жила в обители сестринской общины неподалеку от Калькутты, и ей выпала большая честь получать наставления от самого гуру. Он проявлял большой интерес к ее образованию, и, когда ей исполнилось восемнадцать лет, отправил ее в Англию, где она жила в ашраме нашего ордена.

Мы не делали никаких попыток установить хоть какую-то связь с нашими детьми, зная, что, когда придет время увидеться с ними, гуру сообщит нам об этом. Некоторое время дом казался нам опустевшим, но в глубине души мы были очень довольны и каждый день благодарили Великую Мать за то, что наши дети нашли древнюю дорогу, ведущую в страну за горами, где обитает Великий Владыка, правящий Священным Городом.

ЛЕКАРСТВО ОТ ХОЛЕРЫ

Через четыре года после того, как мы расстались с детьми, в одной из северных провинций, граничивших с нашим княжеством, сложилось критическое положение. Некоторыми из этих провинций правили люди не такие мудрые и бескорыстные, как наш почтенный рама. Эти феодальные правители растрачивали свои состояния на личные удовольствия и не заботились о нуждах своих подданных. В таких случаях иногда вмешивалось британское правительство и заставляло туземные княжества проводить современные реформы. Однако, если правители этих княжеств были настроены не слишком благожелательно, реформы шли с большими затруднениями и не скоро приносили хоть какие-то результаты.

Поздней осенью стало ясно, что в соседнем княжестве неминуемо наступит голод. Наш махараджа из великодушия отправил туда большое количество продовольствия, но Дхарapur был не слишком обширной страной, и этих поставок оказалось недостаточно.

Зима выдалась на редкость суровой, а весной начались опустошительные наводнения. Никто из нас уже более не сомневался, что эпидемии не избежать, и, действительно, лето принесло с собой холеру.

Многие семьи покидали свои дома и, желая спастись от страшной болезни, искали себе убежище в Дхарапуре. Рама, хорошо понимая, что с этой миграцией болезнь может перекинуться и на его владения, велел построить подальше от городов несколько временных поселений для размещения беженцев. Одно из самых крупных поселений находилось всего в нескольких милях от моей больницы, и по просьбе рамы я отправился туда с группой врачей и медсестер, чтобы проверить санитарно-гигиенические условия и организовать надлежащую систему санитарно-профилактических мероприятий.

Как мы и опасались, холера вспыхнула в нескольких из этих временных пристанищ, и в считанные месяцы мы столкнулись с обширной эпидемией. Махараджа и махарани опрометчиво подвергали себя опасности, сутками работая бок о бок со своими врачами и другими должностными лицами. И, хотя у рамы было слабое здоровье, Боги уберегли его дом и никто из его домашних не заболел.

В моем округе смертность достигла пятидесяти человек в день, причем в наибольшей степени от холеры страдали дети и старики. Поставок катастрофически не хватало, и грузы доставлялись специальными поездами. Несколько моих врачей и медсестер были настолько изнурены чрезмерной работой, что пали жертвами холеры и умерли вместе со своими пациентами. Радха и я делали все, что могли, но становилось ясно, что эпидемия вышла из-под контроля.

Однажды вечером, когда я просматривал список новых больных, которых должен был посетить на следующий день, мои мысли по какой-то непонятной причине вернулись к тому времени, когда я совершал длительные прогулки с гуру и одним из старших учеников, который занимался изучением ботаники и различных лекарственных трав. И вдруг я вспомнил, что однажды учитель

указал мне на маленькое растение, которое в изобилии росло вдоль дороги, и сказал: «Когда благословенные боги, медитируя, сотворили мир, они наполнили каждую его земную часть семенами. Из этих семян выросли все возможные растения, и в каждом из них заключены целебные свойства. В каждой стране растут лекарственные травы, присущие именно этой стране и подходящие для лечения тех болезней, которыми там болеют чаще всего. Этот неприметный сорняк таит в себе огромную целительную силу. Если сварить отвар из листьев этого растения вместе с корнями и стеблем, то получится прекрасное средство от холеры».

Я изо всех сил старался вспомнить, как выглядит это растение, но с тех пор прошло так много лет, что я не смог точно его себе представить. У меня было несколько специальных книг, и я попытался отыскать в них рисунок, который напомнил бы мне эту целебную траву, но там не нашлось ничего, что возродило бы мои полузабытые воспоминания.

Решив попросить помощи у моего благословенного учителя, я, как он меня учил, послал ему свои мысли вместе с дыханием, сказав про себя: «Благословенный отец в Боге, ваши дети в большой беде, ваш народ умирает. В своем бесконечном милосердии пошлите мне воспоминания о том растении, что исцелит их от болезни». Затем я стал молча сидеть и ждать, так как знал, что гуру услышит мой зов, где бы он в этот момент ни находился; и если он сочтет это необходимым, я получу ответ на свою мольбу.

Неожиданно мое внимание привлекли цветы, стоявшие в маленькой вазе на письменном столе. Радха очень любила цветы и каждый день приносила мне из сада небольшой букетик. Пока я пристально их разглядывал, цветы вдруг странным образом изменились: совершенно другой стала форма их листьев, и я увидел, что мой букетик теперь состоит из простых садовых сорняков. И тогда я понял, что, собственно, произошло. Растение в маленькой вазочке было именно той целебной травой, которую я так упорно и безуспешно пытался вспомнить. Значит, гуру услышал мою мольбу и таким вот способом прислал мне свой ответ.

Схватив растение, я принялся изучать его строение и сразу же узнал его: оно было одним из тех, что в изобилии росли на низких холмах к западу от больницы. На следующий день мы наняли автомобиль Махадео Рао и за несколько часов набили полный багажник пучками этой низкой травы с толстым стеблем. У нас не было времени высушить целебную траву должным образом, и поэтому для выпаривания влаги мы воспользовались стерилизатором. Первый чай, приготовленный из этого растения, мы опробовали на пациентах нашей больницы и обнаружили, что он обладает прямо-таки магическим действием. Как только я полностью убедился в эффективности нового средства, я сразу же телеграфировал раме; он незамедлительно распорядился собрать как можно больше целебной травы и приготовить лекарство в большой лаборатории Дхарapura.

Таким образом, только благодаря всегда пребывающей с нами любви благословенного гуру холеру удалось взять под контроль и спасти многие тысячи людей, которых иначе ожидала верная смерть.

ПОСВЯЩЕНИЕ В РЫЦАРИ

Позднее несколько английских ученых провели химический анализ этого растения и составили подробный отчет, содержащий поразительные сведения. Насколько им удалось обнаружить, растение не содержало никаких химических элементов, наличием которых можно было бы объяснить его особые целебные свойства, и все же каким-то непостижимым образом оно явилось панацеей от этой заразной болезни.

Мне всегда хотелось попросить благословенного гуру объяснить мне эту загадку, однако я понимал, что он, скорее всего, скажет мне, что в природе есть тайны, необъяснимые с научной точки зрения и свидетельствующие о своеобразной деятельности божественной силы.

Через несколько недель, когда эпидемия пошла на убыль, я получил послание с поздравлениями от махараджи рамы. Он сообщил мне, что с особым удовольствием упомянул о моей работе и медицинском открытии в своем отчете вице-королю, и даже намекнул, что этот отчет, видимо, будет направлен его величеству государю императору и что, по всей вероятности, я получу прямое сообщение от правительства Великобритании.

К этому рама шуточно добавил, что в научных кругах, похоже, возникли серьезные разногласия по поводу важности моего открытия и даже обнаруживается явное стремление

умалить результаты моих исследований. Махараджа посоветовал мне не обращать внимания на их споры и неустанно продолжать исследование целебных свойств этого растения.

Будучи таким образом уже подготовленным, я не удивился, получив официальное послание от вице-короля с приглашением в Нью-Дели; в нем он также выражал мне личную благодарность за преданное служение монарху.

В один из ближайших дней мы с Радхой поехали в Дхарапур, где нас уже ждал махараджа, и все вместе мы отправились в Нью-Дели на личном поезде его высочества. По пути я, воспользовавшись удобным случаем, объяснил раме, что открытие это вовсе мне не принадлежит, а послано мне благословенным гуру в ответ на мою просьбу в минуту крайней нужды, а значит, и похвалы достоин только он один. Выслушав меня, рама улыбнулся. «Доктор Чаттерджи, — сказал он, — я прекрасно все понимаю, но вице-король этого не поймет, так что, боюсь, вам придется нести на себе всю тяжесть последствий своего открытия».

После нашего приезда в Дели я узнал, что рама намеревался лично представить меня вице-королю. У махараджи была в Дели небольшая резиденция, где мы и остановились, ожидая, когда будут сделаны все необходимые приготовления к приему у вице-короля. Как сейчас помню, мой визит был назначен на среду на четыре часа дня. В половине четвертого мы с Радхой пришли в просторную гостиную махараджи. Его высочество был одет в длинную робу из желтой парчи со множеством знаков отличия, отвечающих его положению. Служившие ему украшением нитки прекрасного, хорошо подобранного жемчуга считались лучшими в Индии и входили в число сокровищ, принадлежавших его семье на протяжении столетий. На нем также был меч, красиво инкрустированный алмазами, рубинами и изумрудами.

Когда мы прибыли в Нью-Дели, на вокзале нас ожидал почетный караул, прибывший для встречи рамы. Здание из красноватого песчаника, где размещалось правительство, производило весьма внушительное впечатление, а в его архитектуре явно сказывалось влияние Индии.

В назначенное время нас проводили в небольшую приемную, где нас любезно и без всяких формальностей встретил его светлость вице-король. Это был высокий худой англичанин с орлиным профилем и сильно выступающими скулами. Спокойным мягким голосом он приветствовал нас на безукоризненном английском языке. Рама представил меня как близкого и преданного друга, а я просто не знал, куда деваться от неловкости, слушая его похвалы в мой адрес. Затем махараджа представил вице-королю Радху и тот, как мне показалось, был приятно удивлен, когда рама рассказал ему о том, как много она сделала, желая помочь жителям нашей провинции.

Там же присутствовало несколько сановников, также представленных его светлости. Затем вице-король предложил нам сесть и, обратившись ко мне, попросил рассказать о моей работе в больнице и о том, как трудились местные врачи во время эпидемии холеры. Наш визит продолжался около получаса, но я успел просто и обстоятельно изложить события, подчеркнув, что нашим успехом мы во многом обязаны мудрости и добросердечию его королевского высочества махараджи рамы.

По словам вице-короля, ему стало известно, что я был учеником Шри Пурашараначарьи, этого достойного высочайшего уважения человека, и что моя жизнь посвящена Святому Братству мистиков, а посему он считает вполне уместным такой простой и неофициальный прием, прошедший в соответствии с правилами аскетической жизни. Я выразил его светлости глубокую благодарность за его понимание и заботу. Затем вице-король поднялся и, предложив раме идти рядом, повел нас через анфиладу комнат с широкими дверями в просторный зал, где из всей обстановки были только два глубоких кресла, стоявших на небольшом возвышении. Там нас уже ожидали несколько адъютантов и других чиновников. После того как вице-король и рама сели в кресла, один из чиновников вручил его светлости важного вида документ, и он, поднявшись, сначала выразил махарадже глубокую признательность за его присутствие на церемонии, а затем обратился ко мне со словами: «Доктор Наду Чаттерджи, директор Нортхиллзской больницы суверенного княжества Дхарапур, исполняя свои служебные обязанности, вы внесли чрезвычайно важный вклад в повышение благосостояния и охрану здоровья жителей вашего округа и всего индийского народа. Ввиду исключительной важности вашей деятельности о ней было доложено правительству ее величества, и после должного рассмотрения правительство ее величества благоволит признать ваши заслуги подобающим этим заслугам образом. И я уполномочен пожаловать вам, Наду Чаттерджи, рыцарское звание — самую замечательную из наград».

Вице-король сошел с возвышения, и один из адъютантов передал ему меч. Не зная, что делать, я немного растерялся, но его светлость любезно подсказал мне, что я должен опуститься на одно колено. Затем вице-король коснулся мечом моих плеч и произнес:

«Именем его могущественнейшего величества Георга, Божьей милостью Пятого короля Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльса, императора Индии, покровителя заморских владений его величества и защитника веры, я посвящаю вас в рыцари, возводя в рыцарское достоинство. Встаньте, сэр Наду Чаттерджи».

Когда я поднялся, вице-король вручил мне меч со словами: «Сэр рыцарь, вот ваш меч и пусть всегда будет блестящим его лезвие, а сам он используется только для защиты Бога, императора и справедливости».

Наступило молчание, и все явно ждали, что я скажу что-нибудь в ответ. Я посмотрел на раму и, увидев его ободряющую улыбку, попытался выразить свою благодарность: «Ваша светлость и ваше королевское высочество, я никогда не произносил речей и не понимаю, почему именно меня выбрали вы из множества других, более чем я, заслуживающих столь высокой чести. Как вы, ваша светлость, уже заметили, я предан святой жизни и принадлежу к числу скромнейших учеников Джагат-гуру Шри Пурашараначарья. Ведь именно его вдохновляющее влияние, его мудрость и его любовь направили мою жизнь по пути добрых дел. Все мои знания я получил от него, более того, он научил меня бескорыстию и служению тем, кто в этом нуждается, согласно закону нашей религии. Поэтому именно он заслуживает всех почестей и наград. Он — хозяин моей жизни. Я высоко ценю этот прекрасный жест великодушия и щедрости со стороны правительства его величества и постараюсь быть достойным оказанного мне доверия. Я люблю наш народ, и буду продолжать служить ему по мере сил и способностей, но моя жизнь мне не принадлежит, потому что во всем я повинуюсь моему гуру, которому, после Бога, я предан до конца».

И едва я закончил, как из угла комнаты раздался голос: «Сын мой в Боге, ты сказал хорошо и в полном соответствии с духом нашего благословенного ордена». Я обернулся и увидел, что позади меня на полу у стены спокойно сидит мой благословенный учитель, опираясь рукой на свою раздвоенную палку. Боюсь, что мои дальнейшие действия полностью шли вразрез со строгим этикетом, которого требовали обстоятельства. На какой-то момент я, забыв о находящейся рядом вице-короле и махарадже, поспешил к моему учителю и, бросившись перед ним на колени, положил меч к его ногам. «Возлюбленный учитель, — с волнением произнес я, — в этот миг ваш ученик ждет от вас слов мудрости».

Гуру взял меч и положил его себе на колени. «Сын мой, — сказал он, — ты заслужил это признание и очень хорошо, что ты его получаешь, ибо это вдохновит других на достойные дела. Почести этого мира сами по себе не существенны, но чрезвычайно важен тот дух, который подвигает оказывать их. Прекрасно, что люди почитают друг друга за добродетели. На тебя возложена новая ноша, и ты будешь нести ее как мудрый человек, пока не закончишь свою работу в мире людей».

Никто не заметил, как гуру вошел в комнату, и на лице вице-короля было явно написано удивление, однако, хорошо зная Индию, он не произнес ни слова. Остальные из собравшихся спокойно ждали, храня почтительное молчание.

Затем гуру обратился ко мне со словами: «Сэр Наду Чаттерджи, вы можете представить мне вице-короля».

Возникла неловкая пауза, но его светлость отнесся к ситуации с достойным восхищения спокойствием. Встав с кресла, он сошел с возвышения и, приблизившись к гуру, церемонно поклонился. Следуя правилам официального представления, я сказал: «Шри Рамачандра Арджунананда Пурашараначарья, я имею честь представить вам его светлость вице-короля Индии». Гуру наклоном головы приветствовал вице-короля и произнес: «Да пребудет с вами благословение богов, сын мой; я благодарен вам, как отец, за почести, оказанные моему ученику, ставшему моим сыном в Боге».

Вице-король спокойно ответил: «Шри Пурашараначарья, мне известно, что средство против холеры было открыто благодаря вам. К сожалению, нам не известны способы, позволяющие оценить таинства вашей религии, поэтому мы чествуем врача, подарившего это открытие обществу. Но я убежден, что если бы правительство его величества могло компетентно во всем разобраться, оно воздало бы вам величайшие почести за множество мудрых и удивительных деяний, которые вы совершили».

Гуру улыбнулся и покачал головой: «Такова суть нашей философии, ваша светлость, что деяния богов проявляются в мире через учеников нашего святого ордена. Точно так же и в вашем обществе: Бог есть источник всяческого блага, но вы воздаете должное за добрые дела людям, а не Богу. Люди должны совершать эти дела и посвящать свою жизнь бескорыстному служению, и, хотя их сила от Бога, такие люди заслуживают почести, которые им оказывают. Вы оказали мне почет, наградив моего ученика, и тем самым в той же мере выказали почтение

нашим богам. Так что все хорошо».

Затем гуру повернулся ко мне и, тонко улыбнувшись, сказал: «Итак, сын мой, я уже прошел немалый путь и столько же мне еще предстоит пройти. До свидания и до будущей встречи».

Гуру жестом показал, что хочет подняться, и я поспешил ему помочь. Когда он выпрямился, в его руках появился обитый железом посох; не сказав более ни слова, гуру медленно вышел из комнаты, и мне еще долго казалось, что я слышу тонкое позванивание его маленького серебряного колокольчика.

Так я стал рыцарем империи, и, хотя для меня это была великая честь, я осознавал, что это событие таит в себе гораздо большую важность по той простой причине, что гуру именно при этих обстоятельствах явился вице-королю и благословил работу, которую я завершил.

Мой меч он забрал с собой, а много лет спустя я нашел меч в его ашраме перед маленьким алтарем с изображениями Кришны.

СНОВА В ПУТЬ

Последние три года моей работы на посту директора системы здравоохранения княжества Дхарapur были в основном посвящены подготовке учебника по тропическим болезням. Махараджа любезно разрешил мне посвятить эту книгу ему и заверил, что будет финансировать ее издание и распространение. Мы с Радхой покинули свой маленький домик в саду на холмах и жили теперь в столице, где я мог ближе познакомиться с множеством программ здравоохранения нашего княжества. Много времени мне уделял его высочество наследный принц, поскольку здоровье рамы не позволяло последнему принимать в осуществлении своей программы такое же активное участие, как и в прежние годы.

В свое время гуру сказал мне, что период моего ученичества как главы семейства должен длиться двадцать пять лет, и когда это время истекло, я попросил разрешения у махараджи подать в отставку и вернуться к жизни религиозного аскета. Его королевское высочество оказался достаточно доброжелательным, чтобы понять мою приверженность духовной деятельности нашего ордена, принял мою отставку и освободил меня от всех обязанностей.

Устроив в столице все свои мирские дела, мы с Радхой покинули Дхарapur, чтобы присоединиться к учителю в Кайласасту. Прибыв туда, мы были несказанно обрадованы встречей с сыном и дочерью, которых гуру вызвал по столь важному случаю. Мой сын, Рамачандра, высокий стройный юноша, в следующем году заканчивал университет, а моя дочь, Лилия, училась в Америке, в Колумбийском университете, и вполне прониклась западным мировоззрением. Несколько вечеров, проведенных с нашими уже взрослыми детьми, убедили нас, что каждый из них по-своему оправдал наши надежды. В один из таких вечеров Лилия во время беседы сказала мне: «Высокочтимый отец, я знаю, что близок час, когда ты отправишься в длительное паломничество к Великим, которые обитают по ту сторону гор. Насколько долгим будет твое отсутствие и вернешься ты или нет, зависит от воли богов. Сегодня днем я говорила с благословенным гуру о будущем нашей любимой матери. Я надеюсь, что она будет жить со мной в Америке, пока не закончится мое обучение. Гуру понял меня и любезно дал свое согласие».

Лилия подошла ко мне поближе и, опустившись на колени перед моим креслом, взяла меня за руки. «Радха, твоя любимая жена, и Лилия, твоя послушная дочь, будут ждать, когда ты выполнишь свою миссию, предписанную тебе религиозной жизнью. Если же ты не вернешься, мы всегда будем мысленно вместе с тобой».

На следующий день благословенный гуру позвал меня к себе.

Войдя в его комнату, я сел напротив него на угол белой подстилки. Я с трудом мог представить себе, что прошло много лет с тех пор, как я стал его челою. В длинных волосах учителя сверкала все та же седая прядь, какую я заметил у него при первой встрече. Теперь и мои волосы поседел и поредели, но в душе я по-прежнему оставался тринадцатилетним мальчиком, который выбежал из отцовского сада навстречу гуру почти сорок лет назад.

Немного помолчав, благословенный гуру произнес: «Наду, мой духовный сын, ты вернулся на путь богов. Твоя задача как главы семьи исполнена. Ты выполнил свою часть работы на благо народа Индии. Двадцать пять лет ты служил Великой Матери. Наду, ты был хорошим учеником; ты во всем меня слушался и ни в чем не подвел. С сегодняшнего дня нет больше учителя и ученика. Я освобождаю тебя от всех твоих обязательств передо мной. Ты уже больше не мой ученик и не мой сын».

Я поднял голову и посмотрел на гуру глазами, полными слез. «Возлюбленный отец, но я не стремлюсь быть свободным, я хочу только одного — быть вашим учеником до конца моей жизни. Я хочу повиноваться вам, у меня нет другой жизни».

Гуру кивком выразил свое понимание: «Таков наш закон, Наду, что ты всегда должен питать к своему учителю глубочайшее уважение, ибо он — отец твоей духовной сущности. Но как сын, когда придет время, должен покинуть отчий дом и выполнять свое предназначение, так и ты должен покинуть мой дом и отправиться по древней дороге, что ведет к богам. Я помогал тебе, и за эту помощь ты всегда будешь мне благодарен, ибо такова твоя природа — испытывать благодарность. Но помни, Наду, перед тобой лежит длинная дорога, и мой ашрам — это лишь небольшое пристанище на ее обочине. Я научил тебя всему, что знал, и теперь ты должен отправиться на поиски других, которые смогут научить тебя большему, а поскольку те, кто много знают, должны много отдавать, ты станешь учителем, чтобы, обучая других, учиться самому». Гуру обнял меня и сказал: «Наду Чаттерджи, ты больше не мой ученик, ты — мой друг; ты больше не мой сын, ты — мой брат. Наду, брат мой в Боге, прими благословение от своего друга».

Позже Джагат-гуру сказал мне, что в скором времени мы вместе с ним отправимся в путешествие в город Шигацзе, находящийся в северной части страны на границе с Тибетом. А затем мы продолжим святое паломничество, пройдя весь путь в сопровождении нескольких старших учеников.

В назначенный день я навсегда расстался со своим европейским костюмом и облачился в лохмотья монаха нищенствующего ордена. Я перестал быть «господином доктором» и стал индийским святым, одним из четырех миллионов человек, посвятивших себя служению богам наших отцов. Теперь мою одежду составляли кусок желтой материи, обмотанный вокруг тела, и несколько ниток деревянных бус на шее. Один из учеников вырезал для меня посох и оковал его железом, а Радха подарила мне медную чашу, завернутую в кусок желтой ткани, чтобы мне было где держать несколько дорогих для меня вещей, с которыми я решил не расставаться даже на время путешествия. Туда я положил последние письма отца и матери, фотографии жены и детей и кольцо, подаренное мне махараджей рамой при расставании. В круглый сосуд для воды я положил тщательно завернутый в материю крошечный портрет Кришны на слоновой кости, который подарил мне благословенный гуру.

После нежного прощания с женой и детьми, испросившими моего благословения, которое я дал им от всего сердца, я присоединился к гуру, и мы побрели по пыльной дороге, ведущей от ашрама к великим северным горам. За нами на коротком расстоянии следовали пять учеников. Мы шли много дней, проходя через деревни и стараясь оказать как можно больше помощи тем, кто в ней нуждался.

В одном селении мы стали свидетелями спора, разгоревшегося между двумя жителями, каждый из которых объявлял себя владельцем коровы. Старейшины городка пришли к нам с просьбой разрешить их спор. Гуру и я сели под деревом, а спорщики вышли вперед, ведя за собой корову. Я сидел молча, а гуру вникал в подробности тяжбы. Разобравшись в сути дела, он, наклонившись, поднял с земли небольшой камень и сказал: «Дети мои, этот камешек составляет часть тела нашей Великой Матери — Земли. Я буду держать его в руке, и пусть каждый из вас сначала в глубине души осознает, кто прав, а кто не прав, а потом попытается взять у меня из руки этот камень. Так вот, тот, кто честен, сможет его взять, а у того, кто лжет, не хватит на это сил».

Некоторое время оба спорщика стояли и молча глядели друг на друга и на собравшихся вокруг жителей селенья. Через несколько минут один из них подошел к гуру и взял у него из руки камень. И тогда учитель, улыбнувшись, сказал: «Корова принадлежит тебе, сын мой».

Так проходило наше путешествие в Шигацзе, куда мы и прибыли почти через семь недель пути.

ВЛАДЫКА ВЛАДЫК

В Шигацзе мы остановились в маленькой гостинице, построенной много лет тому назад богатым купцом для монахов нищенствующих орденов. Несмотря на свой возраст, гуру вовсе не казался усталым после долгой ходьбы и принял нескольких посетителей в маленьком дворике, окружавшем дом для приезжих. Два святых человека, жившие по соседству, зашли расспросить

учителя о толковании определенных стихов из Ригведы, и гуру подробно и очень мудро все им объяснил.

На следующее утро на заре мы с ним отправились на окраину деревни. Со всех сторон нас обступали горы, а на севере восходящее солнце отражалось от огромных ледников Химавата розовыми и пурпурными тенями. За деревней расстилалась широкая плоская равнина, тянувшаяся на несколько миль навстречу поднимавшимся вдаль холмам. Через равнину проходила извилистая пыльная дорога, изрытая колеями от деревянных колес воловьих упряжек. Гуру остановился у самого края маленькой равнины и указал на дорогу.

«Здесь, брат мой Наду, проходит путь богов. По этой дороге тебе придется идти одному. Ты не должен спрашивать, куда ты идешь, зачем ты идешь или кого ты встретишь на этом пути. Храня в своем сердце бесценное сокровище нашего благословенного закона, ты должен отправиться на встречу с богами, согласно их воле и приказанию. Возможно, тебе придется идти этой дорогой много лет; возможно даже, ты станешь немощным глубоким старцем, прежде чем дойдешь до конца этой дороги. Также возможно, что ты приляжешь отдохнуть и умрешь где-нибудь на севере у обочины этой извилистой тропы. Но всегда помни, что то, что ты ищешь, находится где-то на севере; где-то за горами ждут боги».

Я опустил на колени перед гуру, чтобы получить благословение. Он положил руку мне на голову и сказал: «Наду, брат мой, прими же благословение старика, который служил богам. Моя сила будет сопровождать тебя, но теперь по-настоящему рассчитывать ты можешь только на свою силу». Затем он жестом велел мне встать, и, когда он обнял меня, я увидел слезы в его глазах. Потом он воздел руки над головой и заговорил с кем-то, кто, казалось, находился далеко-далеко за горами. «Великий Владыка Мира, — произнес он, — будь милосерден к Наду, брату моему. Протяни руку со своего трона-лотоса и возьми его за руку, веди его по старой дороге по стопам наших отцов и приведи к Благословенному Себе, как обещает наша вера. Ом тат сат».

С посохом в руке и маленькой медной чашей, завернутой в желтую ткань, я повернулся и двинулся по неровной, испещренной выбоинами дороге, устремив взор на север. Я медленно пересек равнину и, дойдя до ее края, оглянулся. Там, в длинных косых лучах восходящего солнца, стоял, опираясь на окованный железом посох, Джагат-гуру и провожал меня взглядом. Я помахал ему рукой и увидел, как он поднял руку в благословении.

За равниной дорога, извиваясь, шла по глубоким долинам и по самому краю высоких скал. По пути попадались небольшие реки, через которые мне пришлось переправляться вплавь; были и труднопроходимые места, где тропа, казалось, совсем исчезала.

Дорога уходила все глубже и глубже в горы. Ночи я проводил в маленьких домиках для отдыха, где, видимо, останавливались и другие паломники, но я не встретил по дороге ни одной живой души.

Пищей мне служили ягоды и травянистые растения, которые были мне известны, а пил я воду, стекавшую с таявших наверху ледников.

К вечеру двенадцатого дня позади остались последние следы мира, созданного руками человека. Больше не было даже домиков для ночлега, и я спал в лесу. Эта местность была прекрасна.

Перед самыми сумерками дорога привела меня к странному нагромождению темных камней, из которых, казалось, кто-то сложил храмы и святилища. Тропинка петляла между этих камней. После захода солнца небо усыпали такие яркие звезды, что идти по ней не составляло никакого труда. Потом появилась бледная серебристая луна и стало еще светлее; ночь была удивительно спокойной, не раздавалось ни единого звука, и в глубине души я понимал, что приближаюсь к какому-то святому месту.

Вскоре я заметил впереди мягкое сияние, струившееся со скал. Этот золотисто-розовый свет как-то странно мерцал и искрился. Миновав поворот тропинки, я увидел перед собой источник таинственного света. На выступе скалы у дороги на подушке из желтого шелка сидел старик. Его белые, как снег, волосы, закрывавшие плечи, свисали до пояса, а на лбу был виден желтый знак касты в виде трезубца Шивы. Я тотчас же узнал его. Это был Владыка Владык, Верховный риши Азурелама, господин моего возлюбленного гуру. Розовый свет поблескивал по всему его телу, а его огромные ласковые глаза смотрели прямо на меня.

Верховный Владыка заговорил: «Наду, сын мой, ты помнишь меня? Я сидел под зонтиком из ротанга на второй пристани в Аллахабаде на Кумбхамеле; тогда тебе было тринадцать лет. В тот день я сказал тебе, что ты будешь стариком, когда снова увидишь тень от моей руки».

Я упал ниц у подножия каменного трона, на котором восседал великий риши. «О Возвышенный, — воскликнул я, — с того самого дня я храню ваш образ в своем сердце; я знал, что ваши слова обязательно сбудутся и что в один из грядущих дней я увижу тень от

вашей руки».

Владыка Владык

которой я разглядел вдали туманные контуры огромного храма. Обратившись ко мне, Владыка Владык произнес: «Наду, сын мой, вот мой дом. Здесь ты пробудешь до назначенного срока. Здесь ты будешь отправлять наши мистические обряды и готовиться стать учителем нашего святого ордена».

* * *

Все это произошло много лет тому назад. Теперь я сижу рядом с полуразрушенной аркой в ашраме Кайласвасту на том же месте, где некогда сидел мой благословенный гуру. Я пишу эти строки в возрасте семидесяти лет, и мои челы и ученики собираются вокруг меня. Я живу только затем, чтобы служить им, и мечтаю о том дне, когда снова увижу тень от руки моего господина.

Моя любимая Радха покинула этот мир, а среди моих учеников есть дети моих детей.

За все хорошее в своей жизни я вечно благодарю благословенного гуру. Я дожидаюсь того дня, когда мы вместе бок о бок пойдем в Священный Город нашего Владыки.

ОМ

Владыка Владык вновь заговорил: «Наду, сын мой, это меня ты отправился искать по старой дороге богов, потому что это я — хранитель следующего приюта, в котором тебе предстоит задержаться на некоторое время. Наду Чаттерджи, ты — мой ученик, каким был до тебя твой благословенный гуру».

В ту самую ночь я сидел у ног Владыки Владык среди залитых звездным светом скал и внимал его наставлениям. «Наду, сын мой, от имени Единого Безымянного, обитающего во вневременном пространстве, я посвящаю тебя в гуру, учителя нашей не подвластной времени доктрины. У тебя будут собственные ученики, и они будут высоко ценить тебя, как ты высоко ценил своего учителя. И их ты будешь наставлять, согласно закону нашей веры. Когда моему возлюбленному сыну в Боге, Шри Пурашараначарье, придет время расстаться с его нынешним делом и вернуться ко мне, ты займешь его место. Ты продолжишь его традицию и станешь его преемником во всех делах. Этим ты будешь заниматься, пока тебе не исполнится сто десять лет, и тогда я призову тебя, и мы вместе с твоим благословенным гуру отправимся в Град Богов. Если я понадобится тебе или ты захочешь узнать мою волю, умолкни и обратись мыслями к своему сердцу; там ты найдешь меня сидящим, как сегодня ночью, и я отвечу на твой вопрос и открою тебе свою волю».

Владыка Владык поднялся со своего места на скалах и, спустившись вниз на тропинку, повел меня узкой долиной, за

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

